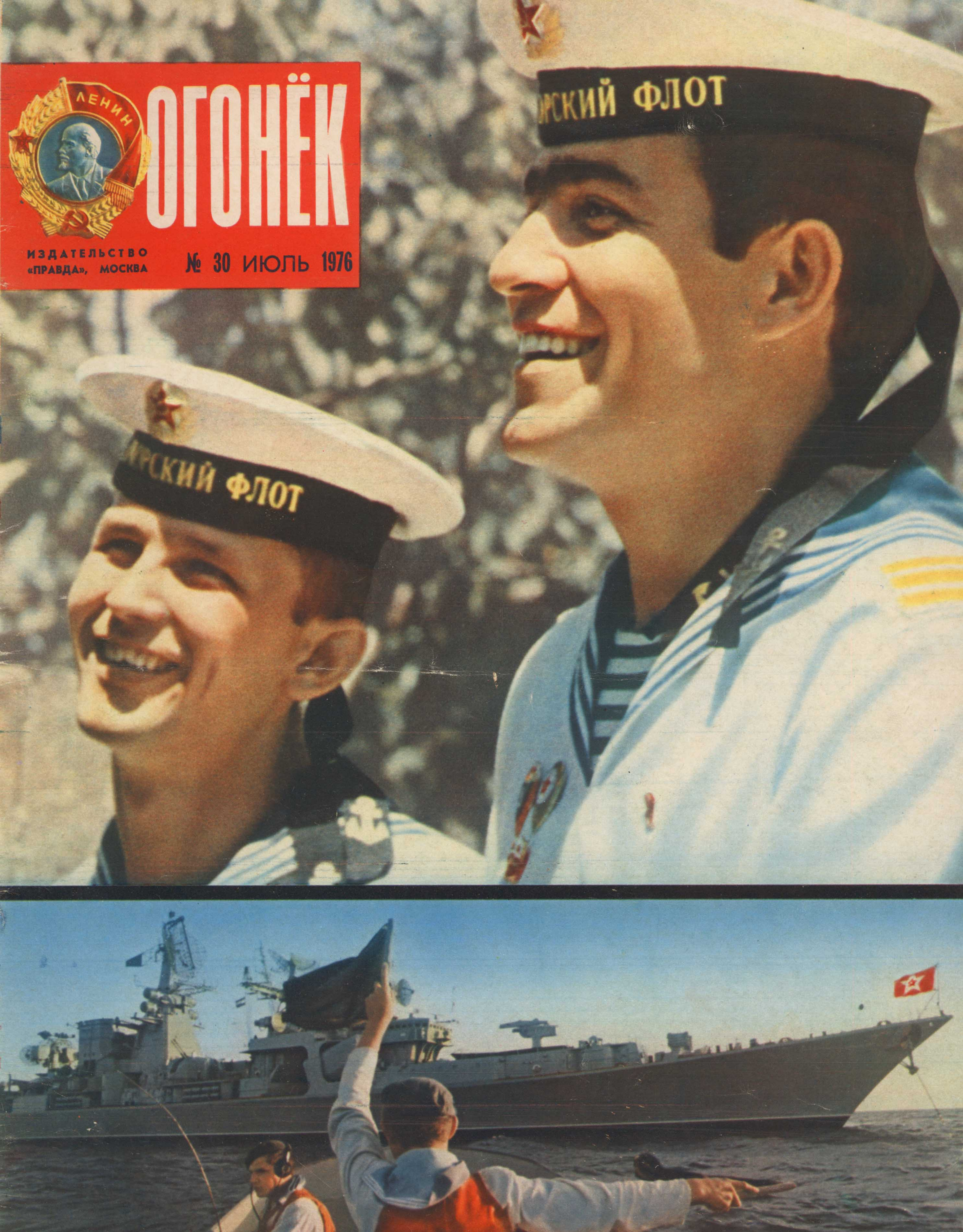

ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА
№ 30 ИЮЛЬ 1976
ФЛОТ
ФЛОТ

Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев подписывает новое Стокгольмское воззвание.

ЗА ПРЕКРАЩЕНИЕ
ЗА РА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 30 (2559)

24 ИЮЛЯ 1976

15 июля члены Политбюро ЦК КПСС, кандидаты в члены Политбюро ЦК КПСС, секретари ЦК КПСС поставили свои подписи под новым Стокгольмским воззванием, содержащим призыв ко всем правительствам и парламентам, политическим партиям и общественным организациям объединить усилия в борьбе за прекращение гонки вооружений, за разоружение.

Воззвание подписали товарищи Л. И. Брежнев, Ю. В. Андропов, В. В. Гришин, А. А. Громыко, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгин, Ф. Д. Кулаков, Д. А. Кунаев, К. Т. Мазуров, А. Я. Пельше, Н. В.

Фото В. Мусаэльяна и В. Соболева (ТАСС)

ГОНКИ ВООРУЖЕНИЙ, ЗОРУЖЕНИЕ!

Подгорный, Г. В. Романов, М. А. Суслов, Д. Ф. Устинов, В. В. Щербицкий, Г. А. Алиев, П. Н. Демичев, П. М. Машеров, Б. Н. Пономарев, Ш. Р. Рашидов, М. С. Соломенцев, И. В. Капитонов, В. И. Долгих, К. Ф. Катушев, М. В. Зимянин, К. У. Черненко.

Это воззвание, принятое Президиумом Всемирного Совета Мира 2 июня 1975 года в связи с 25-й годовщиной исторического Стокгольмского воззвания о запрещении атомного оружия, положило начало всемирной массовой кампании за прекращение опасной для мира гонки вооружений и переход к сокращению накопленных запасов оружия, за углубление разрядки международной напряженности. За прошедший год его уже подписали десятки миллионов людей в различных странах, количество подписей увеличивается с каждым днем.

В Советском Союзе эта кампания приняла всенародный характер. На сегодняшний день под воззванием поставили свои подписи более ста миллионов граждан нашей страны. Подписывая новое Стокгольмское воззвание, советские люди демонстрируют подлинное миролюбие нашего народа, которому ненавистна война и который знает ей цену. Они выражают полное одобрение последовательной миролюбивой внешнеполитической линии КПСС и Советского государства, программы дальнейшей борьбы за мир и международное сотрудничество, за свободу и независимость народов, принятой XXV съездом КПСС.

Подписание руководителями КПСС Стокгольмского воззвания — это новое проявление заботы об укреплении мира и международной безопасности, стремления партии и народа к дальнейшим шагам на пути реальной разрядки напряженности, придания ей стабильного, необратимого характера.

В ДЕЛОВОЙ, ДРУЖЕСТВЕННОЙ АТМОСФЕРЕ

Во время подписания. **Фото А. ГОСТЕВА.**

В результате встреч и контактов между Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым и президентом Франции В. Жискар д'Эстэном были заложены основы соглашения между Советским Союзом и Францией о предупреждении случайного или несанкционированного применения ядерного оружия.

16 июля в Кремле это соглашение было оформлено путем обмена письмами, которые с советской стороны подписал член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, с французской — министр иностранных дел Франции Ж. Сованьярг.

На подписании были товарищи Л. И. Брежнев, Н. В. Подгорный, А. Н. Косыгин, Д. Ф. Устинов, другие официальные лица.

В тот же день состоялись переговоры между членом Политбюро ЦК КПСС, министром иностранных дел СССР А. А. Громыко и министром иностранных дел Франции Ж. Сованьяргом.

Были рассмотрены вопросы двусторонних отношений, а также актуальные международные проблемы, представляющие взаимный интерес.

С обеих сторон была выражена решимость развивать советско-французское сотрудничество в пользу разрядки, упрочения безопасности и мира в Европе и во всем мире в соответствии с тем курсом, который сложился в последние годы между Советским Союзом и Францией.

16 июля Ж. Сованьярг отбыл из Москвы на родину.

ТВОРЧЕСТВО МОЛОДЫХ

10 тысяч работ представлено на центральной выставке научно-технического творчества молодежи, развернутой на ВДНХ СССР.

16 июля выставку посетили член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС А. П. Кириленко, секретари ЦК КПСС И. В. Капитонов, К. Ф. Катушев. Они подробно ознакомились с творчеством юных техников, учащихся ПТУ, молодых рабочих, студентов, ученых, изобретателей. Состоялись теплые беседы с молодыми новаторами — застрельщиками социалистического соревнования, представителями молодежи социалистических стран.

На выставке были первый секретарь ЦК ВЛКСМ Е. М. Тяжельников, секретари и члены бюро ЦК ВЛКСМ.

На снимке: товарищи А. П. Кириленко, И. В. Капитонов, К. Ф. Катушев на центральной выставке НТТМ.

Фото Е. УСПЕНСКОГО.

Во время беседы. Фото А. ГОСТЕВА.

В ИНТЕРЕСАХ МИРА И СОТРУДНИЧЕСТВА

13 июля в качестве гостя Советского правительства в Москву прибыл премьер-министр Ирана Амир Аббас Ховейда, возвращавшийся на родину из поездки в Монгольскую Народную Республику.

В тот же день в Кремле состоялась беседа Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина с премьер-министром Ирана А. А. Ховейдой.

Были обсуждены вопросы нынешнего состояния и перспектив развития советско-иранских отношений в различных областях. Было констатировано, что взаимовыгодное сотрудничество, укрепление отношений добрососедства отвечают интересам народов обеих стран.

Состоялся также обмен мнениями по актуальным международным проблемам, интересующим обе стороны. Особое внимание было уделено задачам оздоровления обстановки в районах Ближнего и Среднего Востока. Было отмечено, что Советский Союз и Иран будут стремиться строить сотрудничество таким образом, чтобы способствовать углублению разрядки, укреплению мира и международной безопасности.

Беседа прошла в дружественной обстановке.

АЛЛО, КАТОВИЦЕ!

В апреле 1972 года начала возводиться крупнейшая стройка Польской Народной Республики — металлургический комбинат «Катовице». Вместе с польскими рабочими здесь трудятся специалисты из СССР. Мы позвонили в Катовице. К телефону подошел заместитель руководителя группы советских специалистов инженер Б. С. Ростиславин.

— Борис Сергеевич, что вы можете сказать о значении строительства нового комбината для Польши?

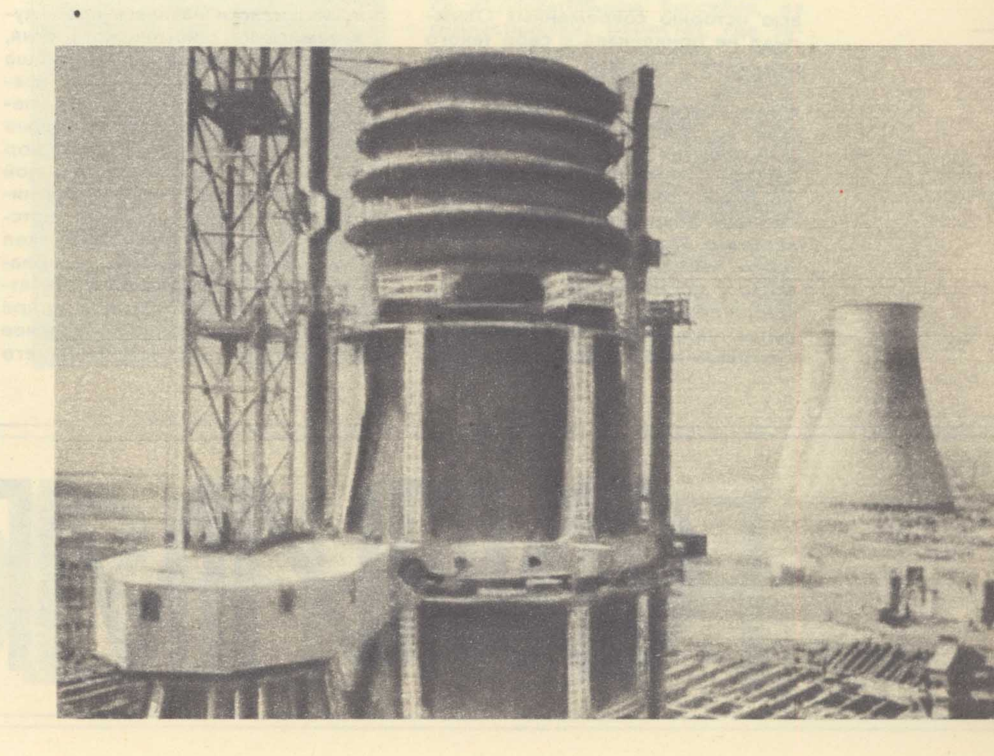
— Это будет самый крупный, самый современный и самый мощный объект польской металлургии. Его проектная мощность — 9 миллионов тонн стали в год да плюс миллионы тонн полуфабрикатов и готовых изделий. Создание такого завода увеличит показатель годового расхода стали на душу населения с 550 килограммов до 700 килограммов в 1980 году. Польше нужна сталь, много стали, и большую часть ее даст «Катовице». Кроме того, недалеко от завода вырастет крупная городская агломерация — Восточный район Верхне-Силезского промышленного округа. Знаете, я часто сравниваю «Катовице» с Магниткой у нас на Урале. Сюда, на главную стройку пятилетки, приехали тысячи рабочих со всех воеводств Польши. Особенно много здесь молодежи — около 70 процентов всего коллектива строителей.

— Какую помощь оказывают советские специалисты в строительстве комбината?

— Советский Союз в соответствии с соглашением между ПНР и СССР 1972 года поставляет основные производственные агрегаты — всего 45 тысяч тонн машин и оборудования. А наша задача — монтаж, установка и подготовка его к пуску. Сейчас мы работаем над завершением первой очереди строительства комбината, которая будет давать стране 4,5 миллиона тонн стали в год. До октября, когда начнется первая плавка, времени осталось очень мало. Дел масса. Иногда приходится работать в несколько смен. Но ведь это необходимо: мы решаем общие задачи.

— Борис Сергеевич, у вас здесь, наверное, много друзей?

— Конечно! Вот сейчас напротив сидит один из моих польских товарищей и улыбается. В Катовице насчитывается около 300 тысяч жителей. Считайте, что все они наши друзья. Думаю, эта стройка — поистине символ великого братства двух народов, идущих по пути коммунистического строительства.

На снимке: сборка кожуха домны.

Фото ЦАФ.

Олимпийский огонь.

В день открытия.

В. ВИКТОРОВ,
специальный корреспондент
«Огонька»

Фото С. Гурария
и телефото спец. корр. ТАСС
В. Будана и Я. Халилова.

Еще никогда за всю историю современных Олимпиад не привлекала к себе такого внимания будущая олимпийская столица. Порой даже создавалось впечатление, что по накалу страстей, по трагедийности нарастающих событий подготовка к монреальской Олимпиаде превзойдет сами Игры. Сотни серьезнейших препятствий возникали перед организаторами Игр — забастовки строителей, вызванные девальвацией и ростом дороговизны, перерасход утвержденных смет, жадность фирм, принимающих участие в стройке,— все, казалось бы, предопределяло срыв графиков. Сколько об этом писалось! Какое количество прогнозов высказывалось!..

И вот мы сидим на монреальском стадионе, почти совсем таком же, как на архитектурных макетах, воспроизведенных многократно. Но это уже не макет, а самый реальный стадион, заполненный самой реальной массой зрителей, съехавшихся сюда со всех континентов, разноцветный, яркий, оглушительно разнообразный, восторженно ждущий традиционной, уже давно установившейся и все равно вечно новой церемонии, предшествующей началу спортивной борьбы. Эта борьба займет 16 долгих и мгновенных дней, а пока мы оглядываем новый, с иголочки стадион, вокруг которого кипели такие страсти все эти годы. Он еще даже не опробован, и его беговая дорожка и сектора для метаний узнают, что такое спортивная борьба на самом высоком уровне, лишь 23 июля, на седьмой день Олимпиады, когда сюда придут главные владельцы этого стадиона — легкоатлеты.

Радостным было шествие вышедших на парад делегаций. Какое различие лиц, костюмов! И всю эту массу молодежи сближало одно чувство, которое мы привыкли выражать формулой: «Взаимопонимание и дружба!» И когда все делегации, завершив круг мимо приветствующих их трибун, заняли места на зеленом поле, заполнив его от края до края, образовав многоцветное, многоязычное и все же единое целое, не знаю, как для кого, а для меня это было самым волнующим эпизодом торжественного открытия Олимпийских игр, хотя именно это зрелище ничем не отличалось от того, что пришлось нам наблюдать и в Риме, и в Токио, и в Мехико. Хозяевам XXI Олимпийских игр удалось найти и внести в установленный ритуал открытия прекрасную новую деталь, которая как нельзя выразительней сочеталась с картиной парада. Когда отзвучали торжественные речи, когда королева Елизавета объявила Игры открытыми, когда произошли и другие события давно разработанного церемониала и началась процедура зажигания олимпийского огня, на стадион вбежали рядом юноша и девушка, высоко вздымая факел, в котором горел огонь, переданный из Греции с помощью лазера через спутник. До сих пор обычно последний этап огненной эстафеты доверялся какому-нибудь одному известному спортсмену, теперь олимпийский факел несли 15-летний юноша, монреалец Стефан Префонтэн и 16-летняя девушка из Торонто Сандра Хендерсон. Это было прекрасное зрелище, и стадион оценил его бурей аплодисментов. А я почему-то в этот момент увидел, как вспыхивает олимпийский огонь над нашим стадионом в Лужниках. Чем Москва обогатит олимпийскую историю? Ощущение, что от Монреаля до Москвы рукой подать, особенно остро мы испытали, когда узнали, что на огромном электронном табло монреальского стадиона спустя 16 дней, в день закрытия Игр, будет передаваться через тот же спутник связи, который перенес огонь из Греции в Канаду, трехминутный фильм, показывающий рождение нового дня в Москве.

Таковы возможности современной техники, она поистине сближает народы, надо только научиться пользоваться ею не для зла, а для добра. И подтверждением этого неуклонного стремления поддерживать олимпийские идеалы прозвучало в Монреале послание Леонида Ильича Брежнева членам МОКа, Организационному комитету, всем участникам XXI Олимпиады. Послание в тот же день было распространено пресс-центром, и мы нашли его в своих сейфах вместе с первыми олимпийскими протоколами. Это знаменательно, что в дни, когда олимпийское движение подвергалось жесточайшим ударам, прозвучали добрые слова Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева. Они были с воодушевлением встречены в Монреале и получили широкое распространение среди участников Олимпийских игр.

Канадцы многое сделали для того, чтобы Игры на их земле стали реальностью, но сами они не очень-то искушены во многих видах спорта, ведь их главная страсть — хоккей. А теперь главная хоккейная арена — спортивный зал «Форум» — отдана гимнастам. Они одними из первых начали Олимпиаду ранним утром 18 июля. А вместе с ними вступили в борьбу баскетболисты, велогонщики, боксеры, гребцы, волейболисты, пловцы, игроки в водное поло, гандболисты, пятиборцы, стрелки, штангисты, футболисты и даже хоккеисты, но, к сожалению для канадцев, играющие не на льду, а на траве.

Партитура таких грандиозных соревнований, как Олимпиада, дело огромной сложности. Не такто просто добиться здесь безукоризненной аранжировки, создать из самых различных видов спорта единое, гармоническое целое. Организаторам XXI Олимпиады это как будто удалось. Теперь надо только правильно исполнить богатырскую олимпийскую симфонию, не «сфальшивить» судьям и апелляционным жюри. Ну, а исполнители олимпийской симфонии, судя по всему, отлично сыграны. Об этом говорят реаль-

ОЛИМПИЙСКИ

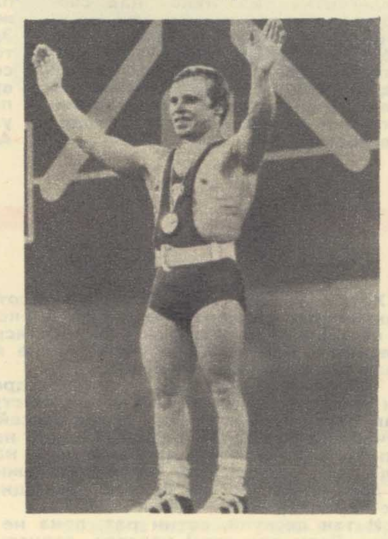
Идет советская команда.

На дистанции 100-километровой гонки наша команда. Впереди — Владимир Каминский.

Александр Воронин, чемпион монреальской Олимпиады.

ные факты. Пока шли предолимпийские соревнования, мы не успевали вносить поправки в таблицы рекордов. Порой казалось, что в Монреаль мы опоздали, что Олимпиада уже началась,— такое огромное количество высоких результатов обрушивалось на наши головы. Еще, пожалуй, ни одной Олимпиаде не предшествовало столько сенсаций. Рекорды по плаванию, множество новых рекордов по легкой атлетике, стрельбе, тяжелой атлетике. Тренеры сделали все, чтобы подвести своих питомцев к пику высшей формы в момент олимпийских стартов.

В первый день мы имели возможность поздравить первых чемпионов — советских атлетов. На автостраде «Транс-Канада» в 10 часов утра, в солнечный нежаркий день, был дан старт командной шоссейной гонке на 100 километров.

Канадцы и многочисленные гости расселись на зеленой траве вдоль всей трассы, наблюдая за борьбой команд. Велосипедисты вели очень напряженную борьбу. И хотя почти все считали лидерами польских велогонщиков, победы добились советские спортсмены Анатолий Чуканов, Валерий Чаплыгин, Владимир Каминский и Айво Пиккуус.

А вечером мы с радостью наблюдали триумфальное выступление нашего молодого штангиста наилегчайшего веса Александра Воронина. В напряженнейшей борьбе он сумел повторить мировой рекорд — 242,5 килограмма, а затем установил и новый мировой рекорд в толчке.

Интересно отметить, что все наши первые олимпийские чемпионы призыва послемюнхенского. Они вошли в сборную команду в 1973 году. И вот еще одна знаменательная деталь: и тренер велогонщиков Виктор Капитонов и тренер Александра Воронина Рудольф Плюкфельдер являются участниками предыдущих Олимпиад и занимали на них ведущие места.

Теперь нам предстоит большая и трудная первая олимпийская неделя. Главные события Олимпиады за эти шесть дней развернутся в плавательном бассейне, на гимнастических помостах, где завершат борьбу гимнасты и гимнастки и в командном и в личном первенстве. Мы будем знать фамилии пяти олимпийских чемпионов по штанге, и начнут свой турнир легкоатлеты, разыграв в первый же день, 23 июля, две золотые медали из выделенных им 37.

Игры в Монреале вопреки всем трудностям идут, радуют нас, привлекают внимание к спорту многих миллионов людей.

19 июля. Монреаль. По телефону.

Е МГНОВЕНИЯ

ПО СТРАНЕ СОВЕТСКОЙ

НОВОСТИ • ИНТЕРВЬЮ • РЕПОРТАЖ

ИНТЕРВЬЮ «ОГОНЬКА»

«ЮРМАЛА-76»

В эти дни во всей Прибалтике дуют ветры, в том числе, конечно, и в Юрмале. Но, как говорят англичане, «нет плохой погоды, есть неправильная одежда». Человеку, одетому соответственно погоде, летний ветер не так уж и страшен. К тому же вспомним, что несколько лет подряд в Юрмале было жарко, как в Сочи. Синоптики намекают, будто теплое лето еще успеет наступить и нынче. А пока гости Юрмалы не огорчаются, одеваются потеплее и гуляют.

Прохлада дольше чем обычно задержала цветение сирени, каштанов, жимолости. Едва успели отцвести яблони, как тут же начали распускаться жасмин и липы — все одновременно, с середины мая, наполняя Юрмалу ароматом. Если прибавить к сладким запахам цветов солоноватое дыхание моря и хвойный настой леса, то легко представить, как душист нынче здесь ветер,— это Юрмала в любую погоду старается создать для своих гостей микроклимат комфорта.

— Чем примечателен у вас курортный сезон-76? — С таким вопросом корреспондент «Огонька» Н. Храброва обратилась к секретарю Юрмальского горкома партии АРТУРУ АРТУРОВИЧУ НЕВИЦКОМУ.

— У нас два события, две крупные стройки, — отвечает он.— Они решают проблему отдыха и жизни в Юрмале не только в нынешнем сезоне, но и на несколько лет вперед. Во-первых, строительство павильона для международной выставки «Курорты-76» и, во-вторых, возведение большого путепровода через перегруженный перекресток Турайдас. Этот транспортный «узелок» доставлял нам много неприятностей, особенно летом, когда электропоезда ходят с интервалом в 5—6 минут. Порой переезд бывал закрыт целую треть курортного дня. В часы пик у шлагбаума накапливалось до 150 машин и стояли они по 10—15 минут.

Перекресток, о котором рассказывает Артур Артурович, абсолютно тихим не станет, так как электрички ходят попрежнему часто. Но зато весь поток автомобилей теперь направляется по новому путепроводу. Высокое железобетонное сооружение, вскинься оно над садами и парками, могло бы нарушить спокойную и уютную юрмальскую панораму. Проектировщики «Ленгипротранса» и специалисты Мостостроя № 5 хорошо справились с трудной проблемой. Путепровод прошел низко, на уровне верхушек деревьев, элегантно изогнулся над свободными пространствами, так что почти не пришлось вырубать деревья, снесены были только две старые деревянные дачи. Мостостроители применили новый способ освещения: трубки дневного света проходят в перилах.

— А что принесет Юрмале выставка «Курорты-76»? — продолжаем наше интервью.

— Когда Торгово-промышленная палата СССР выдвинула идею международной курортной выставки, наша республика горячо поддержала ее, — рассказывает А. А. Невицкий. — Опыт мировых курортов поможет нам сделать Юрмалу еще более красивой и удобной. Для выставки построен большой павильон. «Латкоммуналпроект» (главный инженер проекта Эдгар Шенберг) и главный архитектор Юрмалы Леонид Алкснис задумали павильон так, что по окончании выставки он круглогодично будет служить курорту.

Первыми откликнулись на наше приглашение Чехословакия, Польша, Венгрия, Югославия, ФРГ, Франция, США. Посетители выставки познакомятся с оборудованием гостиниц, мотелей, кемпингов, ресторанов, кафе, баров, передвижных бассейнов, увидят установки для регулирования микроклимата и механизированные средства уборки, ухода за пляжем, парками и газонами. Будет представлено много образцов товаров широкого потребления: пляжная одежда, обувь, снаряжение для туристских походов. Здесь будет заключено много торговых договоров. Выставка состоится в августе, и к этому времени надо постараться обеспечить хорошую погоду, — с улыбкой закончил свой рассказ Артур Артурович.

АРМЕНИЯ

Выставка, которая открылась на одной из улиц города армянских химиков, Кировакана, никогда не закроется. На огромной стене, выложенной из базальтовых, туфовых, гранитных плит, сотни орнаментов, гирлянд, «вышивок на камне», барельефов. Так отметили кироваканцы 80-летие своего земляка — мастера-каменотеса Мграба Мирзаханяна. Все, что представлено в этой необычной экспозиции,— копии. Оригиналы разбросаны по всей Армении. Они украшают лучшие архитектурные ансамбли Еревана и Кировакана, их можно встретить на вершинах горных перевалов и в самых отдаленных селах.

Шесть десятилетий он работает с камнем. И подарил людям около тысячи неповторимых по красоте орнаментов, барельефов, родников-памятников. И каждый из них имеет свою историю.

В начале века 12-летним подростком Мграб покинул родное село Караберд. Повез его отец в город на заработки.

— Там, где сейчас пробурен туннель под Пушкинским перевалом,— вспоминает мастер Мграб,— отец остановил арбу. Поклонись,— сказал он мне.— На этом месте Пушкин встретил гроб с телом убитого Грибоедова.

ХЛЕБНАЯ

НОВОСИБИРСК

ПЕРЕД БОЛЬШИМ РЕЙСОМ

— Хотите увидеть Волгу?— спросил сотрудник Новосибирского института инженеров водного транспорта Александр Маневич, вводя меня под своды обширного помещения и поднимаясь по лестнице наверх, к пульту управления.— Сейчас в нашем бассейне испытывается модель сухогруза, я вам покажу, как это делается.

Он нажал красную кнопку, модель дрогнула и задним ходом двинулась к дальней стенке бассейна — к месту старта. Через минуту я едва мог там различить ее — ведь длина бассейна 70 метров. Это самый крупный учебный бассейн в стране. Теперь инженер-испытатель нажал другую кнопку, и сухогруз ринулся нам навстречу, рассекая воду. Чуть впереди него катилась по рельсам тележка с приборами. На пульте, обгоняя друг друга, весело бежали светящиеся цифры: скорость модели и другие параметры.

— И так десятки, сотни раз, пока не кончатся испытания,— сказал Маневич. Если при этом удастся, допустим, усовершенствовать обводы сухогруза, чтобы его скорость возросла хотя бы на пять процентов (не увеличивая мощности двигателей), то ежегодная экономия горючего только в Обском пароходстве сторицей окупит строительство и эксплуатацию бассейна.

— Понятно,— кивнул я,— а как же все-таки насчет Волги?

— С помощью трех мощных насосов мы можем моделировать в бассейне течение любой реки, в том числе и Волги, чтобы исследовать, как ведет себя судно под характерным воздействием течения, изучать малоизвестные явления, возникающие при обгоне или встрече судов. Ведь пока даже точно неизвестно, на каком расстоянии между собой могут находиться встречные суда... Кстати, мы уже получаем заказы на испытания со всех концов страны, хотя бассейн наш предназначен в основном для учебных целей.

Ю. ЛУШИН
Фото автора.

На Пушкинской улице, в одном из старейших магазинов столицы, «Пишущие и счетные машины», теперь можно купить карманного размера ЭВМ: «Электроника-Б304, Б308», «Искра-111», «Искра-110», «Искра-1103», «Электроника-Эпос». Крохотные компьютеры пришли на смену арифмометрам, взяв на себя значительно больший круг вычислительных операций.

ЭВМ стали товаром сегодняшнего дня. И не случайно продают их именно в этом, одном из лучших и современных магазинов столицы.

Ф. РЕЗНИКОВ

ВОЛШЕБНЫЙ РЕЗЕЦ

Варпет Мграб Мирзаханян.
Фото Р. Шахназаряна.

Более полувека спустя вновь пришел на Пушкинский перевал заслуженный строитель Армении Мграб Мирзаханян. Он соорудил здесь родник-памятник, на фронтоне которого его искусный резец выгравировал картину встречи двух великих сынов России.

Много строил на своем веку варпет Мграб: строил дома для богачей Баку и Тбилиси, украшал их резьбой и орнаментом, которые поражали своей филигранной отточенностью, чистотой рисунка. Но настоящую радость творчества он почувствовал после установления Советской власти в Закавказье. Он причастен к строительству Театра оперы и балета имени Спендиарова, ансамбля зданий на площади имени Ленина. Восхищаясь его работами, Мартирос Сарьян окрестил резец Мграба волшебным. А народ назвал Мирзаханяна гордым словом «варпет» — мастер.

А. САВАЯН

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

ЛЕНИНГРАД

У хлеба есть свой биограф. Вот уже несколько десятилетий ленинградец Святослав Всеволодович Коновцев день за днем систематизирует все, что когда-либо было написано о хлебе. О первых в истории человека лепешках, о суровом блокадном пайке, об украинских паляницах и о том, как пекли хлеб в горьковские времена, когда был написан рассказ «Двадцать шесть и одна». Девиз проводимой работы: все о хлебе — с древнейших времен до наших дней! Рабочее же название поскучнее: «Справочник по истории развития хлебопекарного производства».

Мы сидим с Коновцевым в небольшой комнате старинного дома, в котором жил когда-то Н. М. Карамзин, Святослав Всеволодович показывает мне свою удивительную картотеку, в которой можно найти самые неожиданные сведения о хлебе и хлебопеках.

— Как вы стали составлять эту своеобразную энциклопедию?

— Я преподавал в техникуме пищевой промышленности. Лекции о хлебопечении надо было подкрепить своего рода иллюстрациями. Вот и начал их подбирать. Так накопилось около пятидесяти тысяч аннотаций.

Ученые Всесоюзного научно-исследовательского института хлебопекарной промышленности считают труд С. В. Коновцева уникальным и практически весьма полезным. Эта коллекция — кладезь премудрости. Но как пользоваться ею, если она, мудрость эта, лишь в картотеке, в одном экземпляре? Почему бы издательству «Пищевая промышленность» не присмотреться к уникальному собранию?

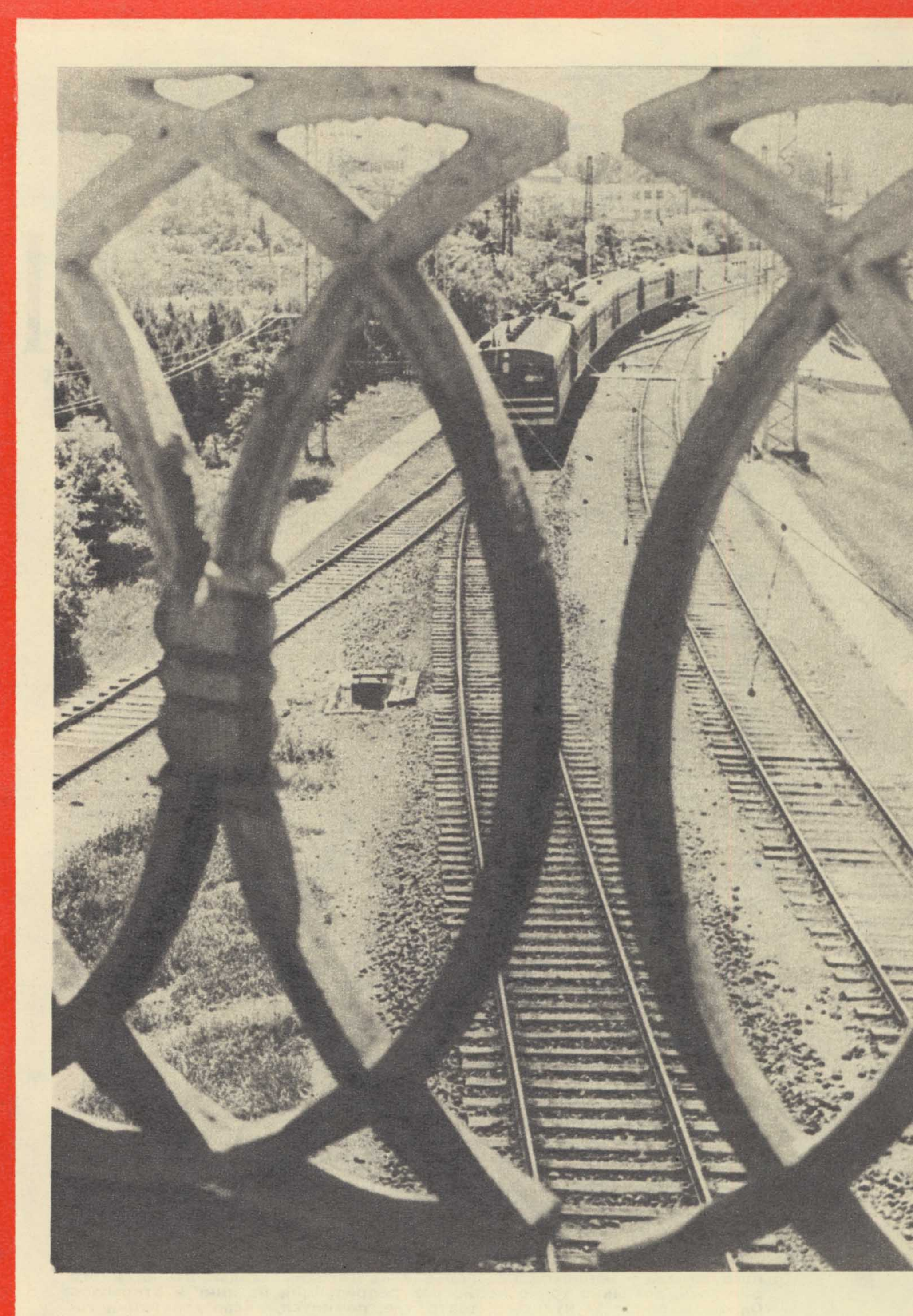
К. БАРЫКИН

На снимке: С. В. Коновцев работает с картотекой.

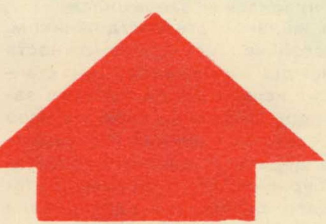
Фото Н. Ананьева.

ЭВМ на прилавке

БАКУ

ЮБИЛЕЙ ЭЛЕКТРИЧКИ

На перроне Бакинского железнодорожного вокзала стоит ничем вроде бы не примечательная опора. К ее основанию прикреплена мемориальная доска: «Первая страница истории электрификации железных дорог СССР начата здесь...» Да, полвека назад в первый рейс по маршруту Баку — Сабунчи — Сураханы длиною в двадцать километров в торжественной обстановке ушел первый советский электропоезд.

Как Москву невозможно представить без метро, так и Баку — без электрички. Своим рождением она обязана разработке нефтяных месторождений на полуострове.

— Сегодня на Апшероне двести пятьдесят три километра электрифицированных путей. За полвека поезда перевезли один миллиард семьсот двадцать миллионов пассажиров и большое количество народнохозяйственных грузов,— сказал начальник управления Азербайджанской железной дороги А. Багиров.

Г. ПОГОСОВ
Фото автора.

ФЕДОР РЕШЕТНИКОВ

Борис **ВИШНЯКОВ**,
заслуженный
деятель искусств РСФСР

Народному художнику СССР, академику Федору Павловичу Решетникову в этом году исполняется семьдесят лет. Он принадлежит к старшему поколению мастеров изобразительного искусства, сформировавшихся в годы Советской власти. Биография его одновременно и проста и необыкновенна. Имя Федора Решетникова вошло в историю вместе с именами участников легендарного похода ледокола «Сибиряков» и героической челюскинской эпопеи. Многогранно одаренный человек, он — в ту пору еще студент художественного вуза — достойно представлял молодое советское искусство на самом переднем крае развернувшегося в нашей стране социалистического строительства. Факты биографии художника интересны сами по себе: они значительны по смыслу нового, **советского**, заключенного в них.

О детстве Федор Павлович рассказывает скупо. Было оно нелегким. Родился он в 1906 году в селе Сурско-Литовском Днепропетровской области. Отец и мать умерли, когда мальчику не было и трех лет. Вскоре трагически погибла любимая сестра. Ответственность за осиротевшую семью легла на плечи старшего брата Василия. Федор был младшим из трех братьев. Жизнь рано заставила его самостоятельно решать свою судьбу. И пятнадцатилетний паренек предпринимает решительный шаг.

— Взял узелок с сухарями, сверток кистей и красок, новые брюки байковые и ушел...

Так начались жизненные «университеты» Федора Решетникова... Во время четырехлетних скитаний он упорно пробивался к цели, а целью была Москва, художественная школа.

Людей, интересующихся человеческой судьбой авторов любимых произведений искусства, всегда занимает вопрос: как «начинается» художник? От какой жизненной «точки» следует вести отсчет собственно творческой его биографии? Не ошибусь, если скажу, что никто еще не установил здесь точных критериев. Бесспорно одно: у человека должен быть талант, склонность, наконец, просто способности — та искра, которую можно разжечь в пламя. Бесспорно также, что раз уж пламя таланта занялось, тепло и свет его нужно поддерживать всю жизнь. Творческая биография Федора Павловича Решетникова — один из убедительных тому примеров.

— С самого детства я, что называется, «пропах красками». Отец был потомственный иконописец, старший брат унаследовал эту профессию. Некоторое время он учился в Киевском художественном училище. После революции писал декорации для любительских, клубных театров и вообще брался за всякую работу, чтобы хоть как-то содержать себя и младших своих братьев. Мальчишкой еще я помогал ему: растирал краски, проклеивал холсты и, как мне казалось, неплохо усвоил технологию масляной и клеевой живописи. Часто писал на проклеенной бумаге портреты молодых девчат и парней, за что получал куски подсолнечного жмыха — неплохое подспорье в те голодные годы. Любил много рисовать, довольно точно копировал репродукции из книг и открытки. Однажды попал за кулисы в театр, где, помнится, писал декорации товарищ Василия. Таинственный этот мир понравился и запомнился.

Так незаметно, исподволь и созревало желание стать художником. Во время трехлетних скитаний юноша настойчиво искал возможность приложить свои способности к делу. Однажды ему повезло: на станции Гришино после небольших проверочных испытаний он получил заказ расписать стены клуба. Два месяца Федор выполнял свою первую «монументальную роспись». Выполнял старательно. Сочинил и осуществил композицию на тему смычки города с деревней, сделал много сатирических изображений кулаков, попов, буржуев. Все — в духе агитационного искусства того времени. Будущего художника вдохновляли карикатуры Моора, Дени, журнальная графика тех лет. Видимо, в смелом предприятии проявились и одаренность и некоторые навыки. Во всяком случае, «росписи» клуба привлекли внимание местной интеллигенции. Автора ободрили и даже пробовали оказать некое покровительство. Но осуществлению заветной мечты помог рабочий коллектив Побединского рудника, куда наконец попал восемнадцатилетний Федор.

— Началась новая жизнь. Я вступил в комсомол, стал активистом, был инструктором спорта, занимался различной культурно-просветительной работой, оформлял праздники, карнавалы, писал декорации для любительских спектаклей.

Вскоре по путевке рудкома Федор Решетников отправляется в Москву, на художественный рабфак. Как ни хаотичны были поиски места в жизни, как ни сложны обстоятельства, он в конечном счете вышел на свою дорогу. Более того...

— На рабфак, а затем в институт я пришел с еще неясным, но достаточно определенным пониманием искусства. Конечно, никаких сформулированных принципов у меня не было. Но сложилось уже серьезное отношение к профессии художника. И я чувствовал, что если буду работать в этом направлении, то смогу сделать много полезного.

Занятия принесли не только радость приобщения к профессиональному искусству, но и разочарования. Противоречивые тенденции искусства 20-х годов сказались на постановке художественного образования, формалистические эксперименты затруднили многим путь к полноценному творчеству.

— На рабфаке изучали литературу, музыку, театр, изобразительное искусство. Там я впервые увидал типы самовлюбленных «гениев» с гнилыми талантами. Мало-помалу их вытряхивали, и обстановка становилась деловой и серьезной. Аудитории постепенно наполнялись людьми, прошедшими уже школу трудовой жизни.

Среди учителей Ф. Решетников называет Д. Моора и С. Герасимова. Но до конца овладеть мастерством ему помогла сама жизнь. Романтика дальних странствий, трудовой энтузиазм строителей первых пятилеток живо волновали воображение энергичного и целеустремленного юноши, всерьез решившего стать художником.

«Мне до смерти хотелось в Арктику»,— писал Ф. Решетников в статье «История и география моей жизни».

Нет возможности пересказывать, как удалось студенту третьего курса художественного института взойти на палубу «Сибирякова» и стать членом экипажа. Затея была почти безнадежной. И все же Федор Решетников победил, победил талантом художника, комсомольским задором, своим веселым нравом. За несколько дней до отплытия ледокола он сумел доказать тем, от кого зависело его арктическое путешествие, что энергия и жизнерадостный талант студента могут быть полезными в ледовом походе.

Плавание на «Сибирякове» было трудным, но благополучным для покорителей Великого Северного морского пути. Федор Решетников также с честью выдержал все тяготы арктического испытания. Сатирические рисунки, веселые затеи молодого художника (на корабле он вел еще и музыкальный и физкультурный кружки) оказались необходимы в опасном плавании. Его дружеские шутки, остроумные шаржи были проникнуты одним желанием: передать товарищам собственный запас жизнерадостности и молодой энергии. Рисунки его «работали» на ледоколе, как работали все члены экипажа. Им полагалось быть не только веселыми, но и умными, тактичными. Так складывался тот графический язык, тот стиль, который позже обретет законченную, отточенную форму.

Первая выставка путевых зарисовок художника состоялась в Японии, куда был отбуксирован «Сибиряков» для исправления повреждений. В числе других участников героической полярной экспедиции Ф. Решетников был награжден орденом: это был 212-й орден Трудового Красного Знамени, врученный к тому времени правительством за особые заслуги перед Родиной, и первый — комсомольцу-студенту.

На ледокол "Челюскин" Ф. Решетников ступил уже как бывалый полярник. Дни плавания во льдах, предшествовавшие трагическим событиям, были наполнены теперь уже привычной работой: регулярно выпускал "Ледовый крокодил" — приложение к газете "Северный морской путь", делал этюды и рисунки, вел кружки и организовывал вечера отдыха, выходил на авралы. Но вот после гибели "Челюскина" экипаж очутился один на один с полярной стихией. Казалось, до искусства ли. Но именно в драматических условиях ледового плена художник до конца осознал вдохновляющую силу образного слова, острой зарисовки. В суровых льдах Арктики его искусство оказалось так же необходимо, как огонь, хлеб, теплая одежда.

На четвертый день после катастрофы вышел первый номер стенной газеты «Не сдадимся» с рисунками Решетникова, которые он делал в поистине нечеловеческих условиях. Заместитель начальника экспедиции И. Баевский вспоминает, что художнику «приходилось рисовать или сидя на корточках, сгорбившись, или лежа на животе. Несмотря на это, они были хорошо исполнены. Лагерь Шмидта восторженно реагировал на эти рисунки и карикатуры». Стенгазета и «Ледовый крокодил» стали центром духовной жизни коллектива полярников. Там, где появлялся Федор Решетников, вспыхивал смех, разливалось веселье. Рисунки и шаржи, маленькие театральные интермедии, озорные частушки собственного сочинения Федор Решетников готовил серьезно, отдавая себе ясный отчет в их значении. Жизнь лагеря была тревожной, стихия посылала измученным людям одно испытание за другим. Челюскинцы высоко ценили неутомимую находчивость остроумного, компанейского Решетникова. В их воспоминаниях сказано много добрых слов о Федоре Павловиче. Э. Кренкель называет его «нашим общим любимцем».

— Я был совершенно уверен в благополучном исходе ледового плена,— вспоминает Федор Павлович. И добавляет: — Работа у меня была такая. Я знал, что наше спасение — в уверенности. И старался всеми силами поддержать ее в товарищах.

Челюскинская эпопея стала для комсомольца Федора Решетникова завершающей ступенью его жизненных «университетов». В 1935 году на персональной выставке он показал 40 небольших картин и рисунков, созданных на основе натурных зарисовок и наблюдений в Арктике. Эта работа была ему зачтена как дипломная.

В советское изобразительное искусство вошел художник, умудренный, несмотря на свою молодость, богатым жизненным опытом, знанием людей. Со свойственными ему энергией и увлеченностью включился он в художественную жизнь Москвы. Вместе с известными мастерами советского изобразительного искусства — И. Грабарем, Б. Иогансоном, А. Дейнекой, А. Герасимовым, А. Пластовым, Т. Гапоненко и другими он активно участвует в организации творческого труда художников, в подготовке знаменитой выставки «Индустрия социализма».

— Давно это было,— говорит Федор Павлович,— а я как сейчас помню, с каким увлечением и задором мы все работали над произведениями к этой выставке. На ней появился ряд новых, дотоле неизвестных имен. Ярко, внушительно выступили уже прославленные мастера. Выставка явилась как бы гигантским портретом нового лица страны. Такой она и вошла в историю советского изобразительного искусства.

Ф. Решетников участвовал на выставке двумя картинами — «В штабпалатке лагеря» и «Первый самолет над лагерем».

В эти годы молодого художника глубоко волновали вопросы мастерства.

— Я всегда любил искусство правдивое, реалистическое. Но какими средствами выразить то очарованье, которое дает живая природа, как передать то, что поражает в людях?

Как и многим его сверстникам, Ф. Решетникову пришлось самостоятельно восполнять серьезные пробелы профессиональной подготовки. Начинаются годы овладения реалистическим мастерством. Он изучает художественно-образные и профессионально-технические стороны ис-

Ф. Решетников. Род. 1906. ПРИБЫЛ НА КАНИКУЛЫ. 1948.

Ф. Решетников. ИНТЕРЬЕР. 1948.

кусства русских живописцев — Федотова, Репина, Сурикова, В. Серова, Левитана, Врубеля. Обращается к проверенной школе колористического мастерства — пейзажу. Правильно понять сущность реалистической живописи молодому художнику помог Н. П. Крымов.

— Николай Петрович не рассказывал, как писать. Он направил мой взгляд на природу, научил УЧИТЬСЯ У ПРИРОДЫ красочному богатству и гармонии,— вспоминает Федор Павлович.— Моей академией в этом смысле стала работа над пейзажем «Дорога». Писал его не торопясь, около двух месяцев, при этом старался сохранить свежесть, непосредственность впечатления.

В предвоенные годы Ф. Решетников пишет картины о ледовом походе («В лагере челюскинцев», «О. Ю. Шмидт перед отлетом из лагеря челюскинцев», «Первое мая на Чукотке»), работает над панно для ВСХВ, создает полотна «С. М. Киров в Хибиногорске» и «К. Е. Ворошилов в Чардынской ссылке», иллюстрации к книге Э. Т. Кренкеля «Четыре товарища».

В годы Великой Отечественной войны отправляется в Севастополь в качестве военного корреспондента газеты «Красный черноморец». Его карикатуры на врагов отличают изобретательность и острота поворота темы: они не просто смешны, они убийственно метки в своей психологически выразительной трактовке. Таков, например, образ Гитлера — страшного в своей жестокости, тупого солдафона, облеченного безмерной властью (листовка «Гитлер — убийца немецких солдат»).

Впечатления военных лет нашли воплощение в картинах «Немцы в Керчи. Багерово», «В освобожденном городе», «Керченский десант», «Возвращение на Родину». Однажды внимание художника привлекла игра ребят «в войну». Неожиданно здесь открылась своя сложная «проблема»: никто не хотел изображать фашистов; шли на эту роль под нажимом старших самые маленькие и несмышленые. А поскольку «военные действия» разыгрывались по всем правилам, то дело нередко кончалось слезами. Спустя некоторое время появилось жанровое полотно «Достали языка». Посетители выставки «Героический фронт и тыл», состоявшейся в 1944 году, тепло приняли новую работу Решетникова, которую отличало и мастерство, и глубокое понимание мира детской фантазии, и открытый, ясный живописный язык.

Это полотно стало предвестником серии картин, посвященных советской детворе, картин, принесших Ф. П. Решетникову новую заслуженную всенародную славу.

Он много и упорно работает над портретом, по-прежнему его влечет пейзаж, в котором художник все полнее, все совершеннее выражает чувство щедрой, деятельной любви к жизни, восхищение красотой русской природы. Но истинной стихией в 40—50-х годах стал для него бытовой жанр. В статье о своем любимом художнике-передвижнике Василии Максимове Федор Павлович писал:

«Жанровая живопись мне представляется одним из самых интересных и значительных видов изобразительного искусства. Очевидно, это мое давнее, с юных лет, пристрастие и сделало из меня художника-жанриста».

Зоркое внимание к окружающему, к людям, живущим рядом, помогавшее ему открывать в многосложном мире явлений их сокровенный смысл и общее значение, и привело художника к бытовому жанру, который, по его убеждению, позволяет непосредственно «вмешаться в жизнь, сделать ее лучше, помочь людям».

Почему его жанровые полотна посвящены детям? Художник затрудняется ответить на вопрос односложно.

— Вероятно, интерес зародился еще в раннем возрасте, интерес мальчишки к своим сверстникам. И позже мне всегда нравились детские характеры. Ведь это особый мир, в котором так непосредственно, так чисто отражается время, эпоха, наконец, мы с вами — взрослые.

На Всесоюзной выставке 1948 года Решетников показал картину «Прибыл на каникулы». За это произведение автор был удостоен Государственной премии. В 1950 году появилось полотно «За мир!». Его герои тоже мальчишки. Эта картина также была отмечена Государственной премией. Затем следуют иллюстрации к рассказу Е. Кононенко «Сын героя». И, наконец, в 1952 году появляется знаменитая «Опять двойка».

Кому незнакомо это доброе, согретое ласковой улыбкой полотно! Сколько в нем простой светлой правды наших будней, как полно, до малых мелочей, отражает обыденный семейный эпизод и время, и страну, и самый дух нашей советской жизни. Автор вложил сюда весь свой опыт, знание психологии ребят, личную причастность к повседневным, нескончаемым родительским тревогам. Сценка кажется выхваченной из жизни. Но как же долог был путь к этой простоте и естественности.

«Жанровую картину можно сравнить с коротким рассказом: та же конкретность сюжета, выпукло очерченные характеры, точность композиции. Художник захватывает зрителя так же, как писатель делает это с читателем,— писал Решетников.— В живописи совершенно необходим хорошо, с искоркой разработанный сюжет».

Картина «Опять двойка» — воплощение этой программы. Композиция, каждый персонаж и самые малые детали **сочинены** художником и отработаны в его воображении. Сделаны десятки рисунков, написан вариант, который, однако, не удовлетворил автора. Работая над композицией, он стремился наиболее ярко выразить характеры и достиг здесь художественного совершенства.

Эти картины, созданные в конце 40-х — начале 50-х годов, появились в пору увлечения бытовым жанром. Полотен в этом роде было написано множество. Большая часть из них не выдержала проверки временем и в известной мере даже дискредитировала сам жанр произведений о современном советском быте. На этом основании некоторые искусствоведы и художники поспешили сделать вывод, что традиционные формы жанровой живописи исторически изжили себя. Между тем неудачи обусловливались иными обстоятельствами. Прежде всего следует напомнить, что бытовой жанр требует владения всеми компонентами реалистического мастерства. Многим же, кто брался за решение подобных задач, порою не хватало в одном случае понимания самой природы жанра, в другом — мастерства, а то и попросту терпения создать характеры, «выпукло очерченные», а на них-то и держится сюжет, тем более сюжет «с искоркой». Работы Решетникова в ряду произведений таких мастеров, как Моравов и Чепцов, Пластов и Гапоненко, Мочальский и Кугач, являют нам пример жизненности и перспективности советской бытовой жанровой живописи.

Федор Павлович не оставил любимой темы. Его герои продолжают следить за событиями быстротекущей современной жизни. В одной из картин 60-х годов («Мальчишки») мы снова встретили их — теперь уже на крыше дома, откуда они ведут наблюдение за движением первых советских спутников Земли.

Выступления Ф. П. Решетникова на очередных выставках для многих часто бывали неожиданными. Так, в 1956 году появился его цикл дружеских шаржей — графических, а в 1962-м — скульптурных. В этих работах поражают точность портретного сходства, острота проникновения в духовный мир человека, какую нечасто встретишь даже в традиционных формах живописного и скульптурного портрета. Мне много раз приходилось наблюдать реакцию тех, кто удостаивался чести попасть в галерею портретов-шаржей. За редким исключением все принимали их с веселой улыбкой, отмечая поразительную меткость характеристик. В них нет и тени насмешки, бестактного выпячивания физических недостатков, произвольной деформации.

— Если замечаю, что появляется нечто подобное, тотчас стараюсь «снять» эту чуждую, фальшивую ноту,— говорит художник.— Никогда не позволяю проскользнуть издевке. Свои шаржи я делаю только на тех людей, которых очень хорошо знаю и к которым отношусь с уважением. Мне просто хочется весело рассказать о неповторимой оригинальности их внутреннего мира, сделать наглядным то, что раскрывается лишь в минуты наибольшей непосредственности поведения. В такие моменты привычные движения человека — поза, жесты, мимика — делаются как бы «прозрачными», и через них точно «просвечивает» самое сокровенное.

В заметке «Новая грань таланта» член-корреспондент Академии художеств СССР скульптор З. Виленский писал: «Работы художника говорят, что их автор обладает драгоценной чертой настоящего портретиста, способностью проникновения во внутренний мир человека, способностью выявлять и подчеркивать определенные черты своих героев с предельной остротой и мастерством. Его работы останавливают, заставляют думать — следовательно, они обладают основным качеством искусства. Изобразительный язык Решетникова-скульптора пластичен. Можно сказать, что произведения последнего цикла монументальны».

Среди сатирических работ последних лет бесспорным достижением Ф. Решетникова является живописный триптих-памфлет «Тайны абстракционизма» и книга-альбом под тем же названием с иллюстрациями и текстом художника. С неподражаемым сарказмом раскрывает автор перед зрителем и читателем картину духовного уродства вдохновителей, служителей и прислужников модернизма.

Как-то в одной из бесед, говоря о замыслах своих произведений, Федор Павлович вскользь заметил, что к новым темам, к новым образам его всегда вела личная увлеченность; и там, где эта увлеченность была полнее, устойчивее, являлись удачи.

Обозревая творческий путь этого мастера, замечаешь, что его воображение увлекали наиважнейшие события в жизни страны, в жизни людей, в делах искусства.

На Всесоюзной выставке «Слава труду!», посвященной XXV съезду КПСС, он показал картину «Героическая пятерка», созданную в память о стыковке космических кораблей «Союз» и «Аполлон», и портреты участников исторической встречи в космосе — А. Леонова и В. Кубасова. В самом содержании, в оригинальной форме этих картин автор выразил взволнованное отношение к знаменательному событию современности. В согласной работе отважных первопроходцев космоса — советских и американских — все прогрессивное человечество увидело доброе начало. Серьезные, общие, гуманные дела сближают людей, народы. И эта мысль нашла воплощение в новой работе мастера.

Сегодня в мастерской — годами сложившаяся обстановка обычного трудового дня... На мольберте — новый холст «Первый митинг на льдине», а поодаль, у стены,— эскиз будущего группового портрета полярных летчиков — первых Героев Советского Союза. Художник готовится к своей персональной выставке. Произведения о ледовых походах 30-х годов займут на ней одно из центральных мест.

...Федор Павлович кладет передо мной репродукцию первого номера стенной газеты «Не сдадимся». Строку за строкой читаю этот беспримерный периодический рукописный орган «ячейки ВКП(б), судкома и ВЛКСМ». Всматриваюсь в рисунки, сделанные Решетниковым. И в памяти воскресает поистине легендарное событие, приведшее в изумление весь мир в те волнующие, памятные тридцатые годы. Датский писатель-коммунист Мартин Андерсен-Нексе весной 1934 года, после завершения спасательных операций по снятию экипажа «Челюскина» со льдины, писал: «Судьба экспедиции превратилась в вопрос, интересовавший все человечество, и подвиги советских летчиков блистали, подобно полярному сиянию, освещающему наше скандинавское небо. Старый мир получил представление о непобедимой юности и способности советских людей».

— Вы понимаете, почему я никогда не оставлял мысль создать произведения об этом событии, участником которого мне выпало счастье быть? Почему не занялся этим раньше? Позвольте ответить на вопрос вопросом: а разве сегодня поздно? У меня такое чувство, что именно сейчас самое время воскресить эти события в живых образах искусства.

«Первый митинг на льдине»... Угрожающе вздыбленный торосами ледяной простор. Нависшая свинцовая туча, готовая обрушить ураганный снежный шквал. На горизонте — полоса светлого неба, чуть тронутого теплыми лучами далекого солнца. И среди этого белого безмолвия, как живой монолит,— экипаж канувшего в морскую бездну корабля. Отто Юльевич Шмидт тогда, в 1934 году, обращаясь к своим товарищам, говорил: «Мы на льду. Но и здесь мы — граждане великого Советского Союза. Мы и здесь будем высоко держать знамя Республики Советов...»

В последние годы мастер все чаще возвращается к своим прежним — по той или иной причине не осуществленным — замыслам. Накопленный жизненный и творческий опыт позволяет по-новому подойти к отстоявшимся темам, осуществить их во всеоружии мастерства. Вновь зреет интерес к портрету. Волнуют новые идеи, а главное — влечет желание глубже заглянуть в духовный мир современника.

Профессор, вице-президент Академии художеств СССР Ф. П. Решетников подводит итог своему более чем сорокалетнему творческому пути. Он полон энергии. Его творческие помыслы устремлены в будущее. Общественная деятельность — родная стихия художника. Она питала его творческое воображение, подсказывала темы, давала новый материал. Здесь открывались ему глубины трудовой жизни страны, выработалось драгоценное чувство причастности к историческому творчеству советского народа. Мастеру есть о чем рассказать, есть чем поделиться с молодыми, начинающими художниками. И это тоже задача неотложная, требующая сосредоточенности, продуманной программы и четкого плана.

Художник Федор Решетников сегодня начинает новую главу «истории и географии» своей беспокойной и плодотворной творческой жизни. Впереди — новые замыслы, новые поиски, новые свершения.

А. ГОЛИКОВ
Фото А. НАГРАЛЬЯНА

Он носит имя старинного русского города — «Очаков». Так звали и легендарный крейсер, который в 1905 году поднял красное знамя восстания.

Большой противолодочный мы увидели, когда он стоял на внешнем рейде. Подошли ближе и удивились: почему его называют большим? Изящный, стройный, он казался легким, невесомым, будто парящим над морской синевой, и отнюдь не большим. Но, поднявшись на борт, сразу ощутили, что находимся на океанском корабле. Просто совершенство форм и пропорций скрадывает его истинные размеры.

Командир «Очакова» капитан второго ранга Виктор Лазаревич Шепелев познакомил нас с кораблем. Поразило обилие сложной совершенной аппаратуры, счетно-решающих устройств различного назначения, автоматики, электроники и, конечно, оружие.

— Управлять такими кораблями могут только квалифицированные специалисты,— говорит командир.— Капитан третьего ранга Валерий Евгеньевич Берстенев, капитан-лейтенант Виктор Петрович Свиридов, лейтенант-инженер Николай Павлович Мартынов да и остальные наши офицеры — настоящие знатоки своего дела. И матросы «Очакова», как правило, люди со средним образованием, многие окончили техникумы, есть даже с дипломами высших учебных заведений.

Разговор прерывает сигнал учебной тревоги: моряки совершенствуют свое военное мастерство. Мгновенно все пришло в движение. Угрожающе поднялись пушки орудийных башен, изготовились к пуску ракетчики, торпедисты, склонились над локаторами операторы. «Очаков» готов обнаружить и поразить противника, будь он глубоко под водой, на воде или в воздухе. Безупречно действовали мичманы Василий Иванович Бухал, Николай Николаевич Сокол, Александр Филиппович Кравченко. Отличились старшина первой статьи Александр Гаврилович Кузнецов, матрос Евгений Петрович Гриб...

Прозвучал «отбой», и «Очаков» взял курс к родным берегам. В гавани у пирса ошвартовались военные корабли. Между ними было оставлено место для «Очакова» — очень узкое, как нам показалось. Загнать на стоянку автомобиль задним ходом так, чтобы не зацепить соседние машины, и то нужна немалая сноровка, а тут такую махину!.. Однако командир корабля справился с этой задачей блестяще.

Утро принесло морякам приятную весть: разрешено увольнение на берег. А у «Очакова» с берегом, с народом, как и у всего Военно-Морского Флота, связи кровные, нерушимые. Раз в году возле орудий «Очакова», возле его пусковых ракетных установок и торпедных аппаратов алеют пионерские галстуки, звенят ребячьи голоса. Здесь под военно-морским флагом Родины ребята из подшефной школы вступают в пионеры, клянутся свято выполнять заветы отцов и дедов, сражавшихся за Советскую Отчизну, клянутся следовать заветам Ильича.

Сегодня свободные от службы матросы отправились в совхоз.

— Собственно, матросы у нас не только гости. Они помогают совхозу, особенно в страдную пору,— рассказывает директор совхоза Виктор Петрович.— Имеем мы на наших флотских друзей и более серьезные виды...

Ради этого разворачивается жилищное строительство с тем, чтобы создать резерв жилья... Скажем, полюбилась моряку местная девушка, кончил он срок службы, сыграл свадьбу и собирается увезти молодую жену. Тут совхоз и предложит молодоженам квартиру со всеми удобствами, интересную работу. Глядишь, и осядут здесь матросы, умелые, старательные, у которых любое дело спорится.

И на этот раз очаковцы помогали убирать урожай. После работы перед очаковцами выступил самодеятельный ансамбль совхоза. Среди моряков тоже нашлись лихие плясуны, мастера спеть под гитару...

Утром, когда порозовел восток, «Очаков» вышел в открытое море. Впереди у него просторы Мирового океана, в котором несет свой флаг советский Военно-Морской Флот.

1

БОЛЬШОЙ ПРО

2

1
На страже родных берегов.

2
Ринг на палубе.

3
Горнист В. Лукащук — отличник боевой и политической подготовки.

4
Выступает ансамбль песни и пляски «Офицерский бал».

5
Моряки приехали в подшефный совхоз.

ТИВОЛОДОЧНЫЙ

3

4

5

адреса великих свершений

Михаил АНДРИАСОВ,
фото
Н. КОЗЛОВСКОГО,
специальные
корреспонденты
«Огонька»

Эта встреча произошла на очередном заседании парткома стройки. Рассматривались заявления вступающих в партию. Секретарь парткома, еще совсем молодой человек с проницательными, чуть улыбчивыми глазами, Юрий Александрович Титов внимательно оглядел такого же, как сам он, молодого человека и в раздумье проговорил:

— Ваше лицо очень знакомо мне. Где мы с вами встречались?

Казалось, тот, чьи документы сейчас рассматривались, ожидал такого вопроса.

— На КамАЗе, Юрий Александрович. Только тогда вы принимали меня в комсомол, а теперь в партию...

Секретарь парткома держал в руках анкету бетонщика Александра Фадеева. Судя по тому, как на высоком лбу Титова мгновенно растаяли две легкие морщинки, все прояснилось.

— Вспомнил! — обрадовался Юрий Александрович.— Ты вступал в комсомол в те дни, когда ваша бригада в один месяц дала два плана. Только ты тогда, я хорошо это помню, был рабочим, а теперь бригадир плотников-бетонщиков...

— Так и вы же, Юрий Александрович,— подняв голову, сказал Фадеев,— на КамАЗе были секретарем комитета комсомола, а здесь секретарь парткома. Жизнь такая, она всех нас вперед выносит...

Я долго думал над словами бригадира Фадеева: «...жизнь такая, она всех нас вперед выносит». Удивительная правда в этих словах.

...Подумать только, какие разительные перемены за жизнь одного поколения познала эта ковыльная, полупустынная степь! Еще не так давно ее называли Диким полем. И вдруг в самом центре донского раздолья — строительство гигантского завода.

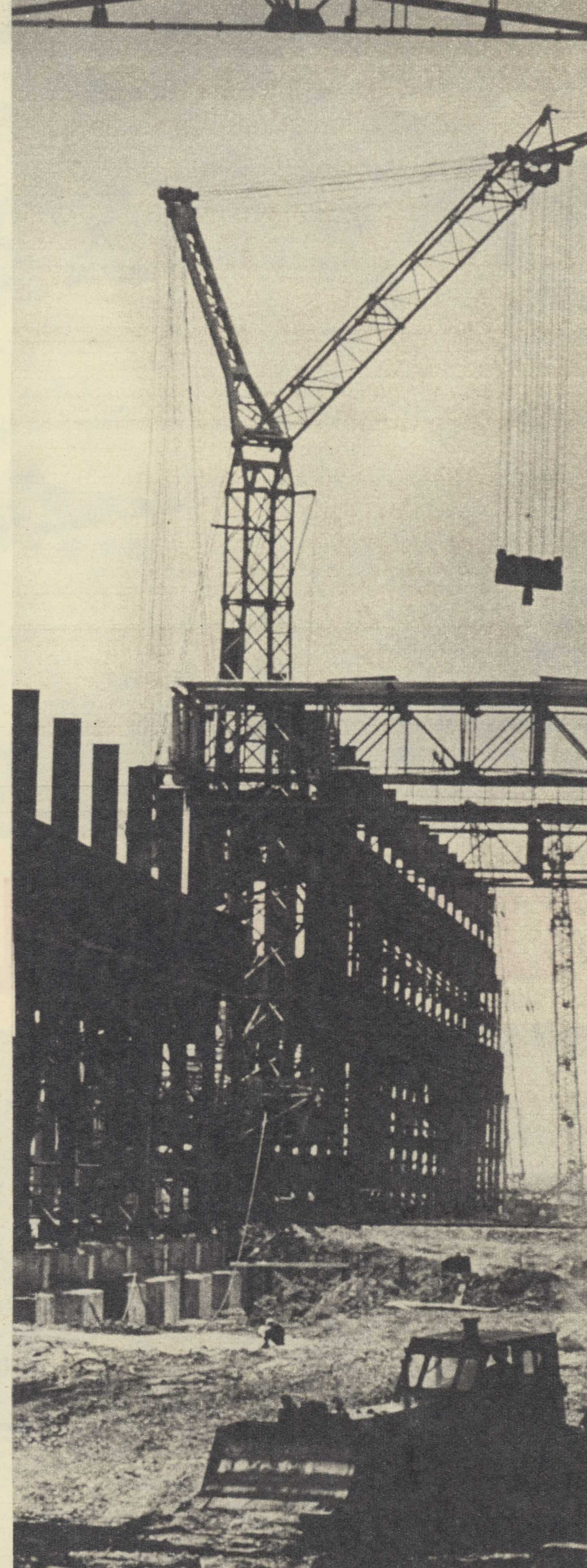
Что особенно радует на строящемся Атоммаше? Поражают не столько масштабы будущего предприятия, хотя и они сами по себе достойны могучих плеч десятой пятилетки,— удивляет другое: невиданные темпы и не менее уникальные методы строительства. Вот почему, побывав на огромной строительной площадке (кстати, как не соответствует здесь слово «площадка» неоглядной территории строительных работ!), познакомившись с людьми, возводящими в считанные месяцы мощные производственные корпуса (первый корпус — длина 750, ширина 250, высота 55 метров), понимаешь, почему сейчас именно сюда устремляются строители со всех концов нашей страны: Атоммаш зовет!

Люди преодолевают тысячи километров, оставляют обжитые места, благоустроенные квартиры, чтобы приехать в Донскую степь, на берега живописного рукотворного Цимлянского моря и возводить выдающийся завод современности. Завод атомных реакторов, одна из главных строек десятой пятилетки, рождается в молодом городе Волгодонске, которому чуть более двадцати и который сам рожден пятой пятилеткой. Он детище знаменитого Волго-Донского канала имени Владимира Ильича Ленина, Цимлянской ГЭС.

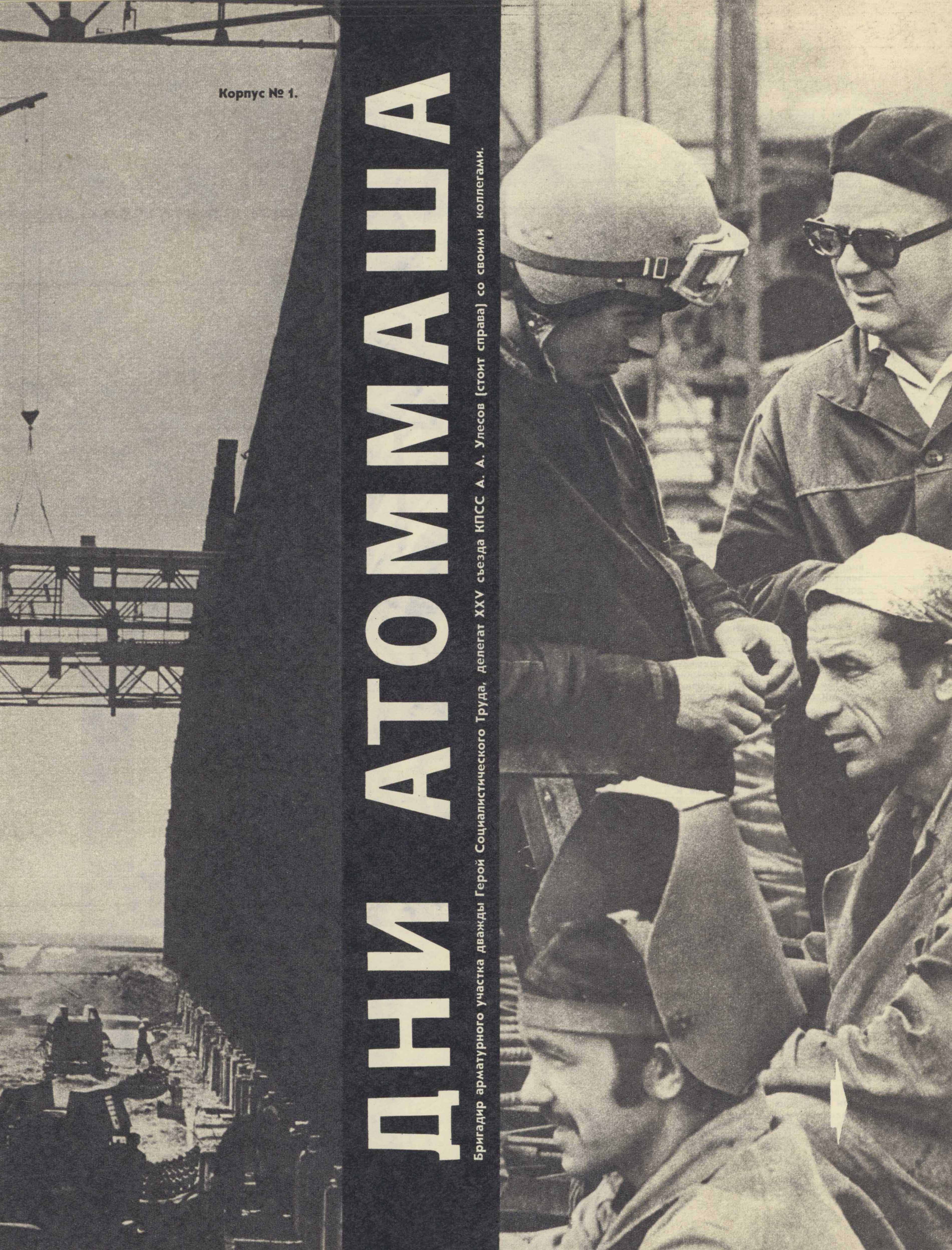
На Атоммаш едут в одиночку и целыми семьями. С КамАЗа прибыла семья Деминых, или, как уважительно говорят тут, семья двух бригадиров: Екатерина Филипповна Демина руководит комсомольско-молодежной женской бригадой штукатуров, а ее муж, Виктор Степанович, возглавляет бригаду шоферов. Оба коммунисты. Их бригады среди тех, кто впереди. Трудится на Атоммаше и сын Деминых — комсомолец Виктор, молодой слесарь.

С КамАЗа на Атоммаш нашла дорогу и другая семья бригадиров — Украинцевы. Здесь Геннадий Иванович и Екатерина Петровна вступили в ряды партии. Многим строителям известны хорошие дела вдумчивого, опытного бригадира кровельщиков Геннадия Украинцева, а что касается его жены, Екатерины Петровны, бригадира маляров, то давайте лучше послушаем, что о ней говорит Озада Гульматова, девушка из Узбекистана.

— Я только пошла в школу, когда родной Ташкент перенес страшное землетрясение,— рассказывает Озада.— Хорошо помню, как вся страна помогала нам. Приехали строители из всех республик. Все откликнулись на нашу беду. Ташкент снова расцвел. И когда я услышала об Атоммаше, сразу решила: мое место там. Приехала на Дон с узбекскими комсомольцами. Мне повезло: я попала в бригаду маляров Екатерины Петровны Украинцевой. Сколько тепла в сердце этой женщины. Она нам, как мать. Когда трудно, Екатерина Петровна всегда рядом. Не зря узбеки говорят: «Человека согревает человек».

ДНИ АТОММАША

Корпус № 1.

Бригадир арматурного участка дважды Герой Социалистического Труда, делегат XXV съезда КПСС А. А. Улесов (стоит справа) со своими коллегами.

Как в родную семью влились в ряды атоммашевцев муж и жена Мирзояны. Он армянин, она русская. Рубен — инженер, хороший прораб. Галина Васильевна — член парткома стройки, руководит бригадой маляров-штукатуров, совсем еще девчушек. Эта бригада ныне стала одной из самых известных на Атоммаше.

Приезжают сюда и целыми бригадами. Уже знакомый нам бригадир плотников-бетонщиков Александр Фадеев привез с собой с КамАЗа группу строителей. Из нее он и создал здесь ударный коллектив. Это о таких, как они, слова призывного полотнища: «Место подвига — Атоммаш. Время подвига — наше время!»

Сюда приехали люди со многих строек, но больше всего камазовцев.

— Это хорошо,— говорит секретарь парткома, тридцатилетний Юрий Титов.— Люди знают друг друга, вместе преодолевали трудности, вместе, как говорится, не раз ломали голову над решением сложных задач. И еще хочу заметить, что так же, как и КамАЗ, наш уникальный завод строят посланцы всех пятнадцати советских республик. Вы здесь встретите немало интернациональных бригад.

Вместе с заместителем секретаря парткома Анатолием Дмитриевичем Миловановым отправляемся на участки. Людей почти не видно, хотя здесь — 15 тысяч человек (в первые месяцы семьдесят седьмого года их будет до двадцати пяти тысяч). Кругом новая совершенная техника.

Анатолий Дмитриевич Милованов — инженер-геодезист. Скромный, мягкий в обращении, на редкость внимательный к окружающим, влюбленный в рождающийся Атоммаш. Он знает биографию стройки с самого первого ее колышка.

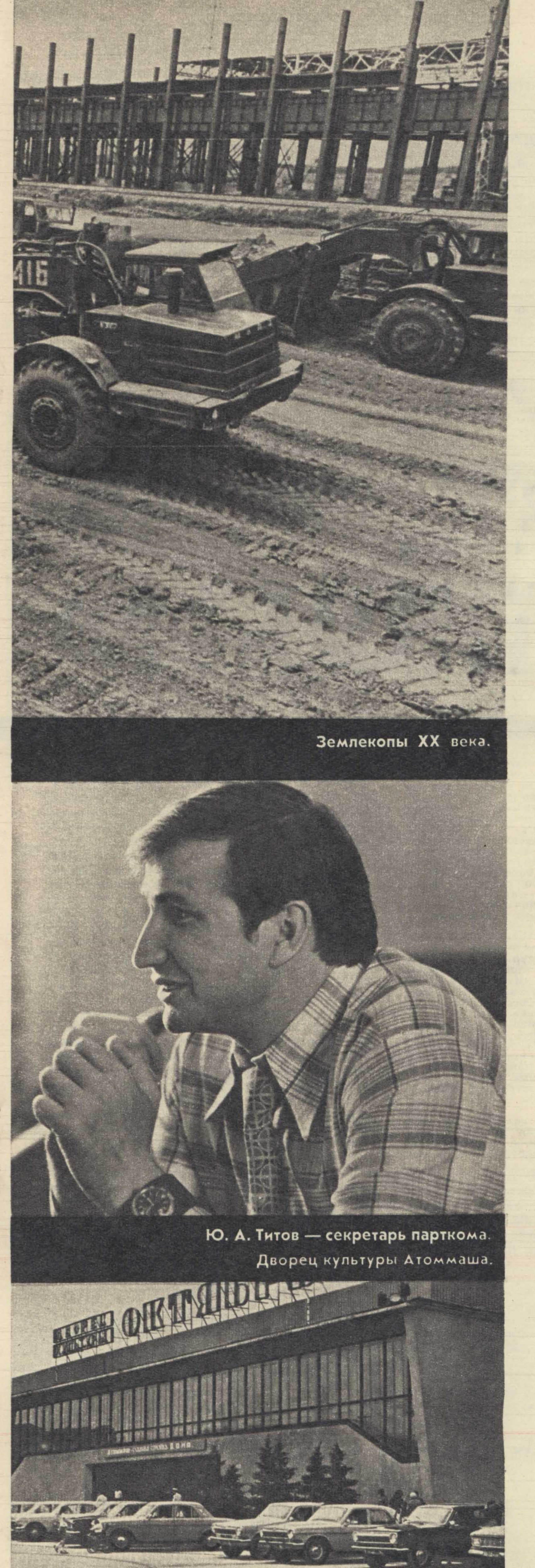
Мы в одном из лучших строительных коллективов, в бригаде бетонщиков Владимира Утоплова. Когда страна готовилась к XXV съезду партии, кандидат в члены КПСС Утоплов выступил с обращением ко всем бригадирам и бригадам — начать соревнование за право носить имя XXV съезда партии. Нелегким было это трудовое соперничество — на стройке двести тридцать таких претендентов! И все же боевой комсомольский коллектив под руководством молодого коммуниста Утоплова вышел победителем. По всем показателям. Бригаде присвоили почетное имя XXV съезда КПСС. Ныне бетонщики, строящие фундамент будущей ТЭЦ, идут на Атоммаше в авангарде социалистического соревнования.

Бригада Утоплова вызвала на социалистическое соревнование работающую на БАМе бригаду монтажников-бетонщиков делегата XXV съезда КПСС, лауреата премии Ленинского комсомола Леонида Казакова.

— Соревнование будет трудным,— говорит Владимир Утоплов,— Леонид Казаков — опытный руководитель. Но мы не уроним чести Атоммаша. Вместо трехсот пятидесяти кубометров бетона, предусмотренных нормой, ежемесячно будем перерабатывать пять-

Будни...

Растет завод, растет город.

Землекопы XX века.

Ю. А. Титов — секретарь парткома.

Дворец культуры Атоммаша.

сот. Не меньше! Годовой план выполним к 7 ноября.

Кто они, члены передовой бригады Утоплова? Русский паренек, плотный, собранный, Николай Кутепов, прибыл из Челябинской области. Девятнадцатилетний украинец, сын шахтера, Константин Захаров — из Кривого Рога. Рядом с ними — белорус Вячеслав Синевич, татарин Владимир Гилязов, армянин Грант Будагян...

— Как я мог не приехать?! — горячится Грант.— Дон! Здесь Шолохов живет! Как услышал о заводе атомных реакторов, подумал: это честь для меня — строить такое предприятие. И еще вот о чем. В Армении под могучим горным хребтом строится тоннель длиной в сорок восемь километров. По этому тоннелю горная река Арпа понесет свои воды Севану. Помогать армянам прокладывать тоннель Арпа — Севан пришли русские, украинцы, грузины, азербайджанцы, латыши, молдаване... А теперь я приехал строить в Донской степи Атоммаш! В Армении учился в институте, не хотел бросать его. Но здесь мне помогли, я студент-заочник второго курса Новочеркасского инженерно-мелиоративного института. Буду инженером-механиком...

На стройке много студентов. Одни заочно учатся в Новочеркасском политехническом институте. Другие — в ростовских институтах: сельхозмашиностроения, инженерно-строительном и институте народного хозяйства.

Главная сила стройки — молодежь, юноши и девушки. Я беседовал со многими из них.

Каменщица Надежда Вахрушева: «Я дочь Удмуртии. Работаю так, чтобы мои земляки не краснели за меня».

Кореец Виктор Пак: «Работается хорошо. Хочу быть достойным той высокой оценки, которую дал делам рабочего класса Леонид Ильич Брежнев на встрече с зиловцами».

Осетин Альберт Марзоев: «Мы с Георгием Салказановым из села Урсдон. Работаем бетонщиками. Нормы перевыполняем».

Таджик Хусен Караев: «Я участник Великой Отечественной войны. За плечами большая жизнь. Рядом со мной работает мой молодой земляк Музафар Сангов. Он недавно пришел из армии. Охотно помогаю Сангову».

Казах Геннадий Сыздыков: «Мы плотники. Так отделываем каждую оконную раму, каждую дверь, каждый подоконник, будто ставим на них личное клеймо».

Литовец Гинтаутас Поворюнас: «Я вырос в Вильнюсе. Овладел профессией строителя. Моя жена — тоже строитель. Мы отдали с ней частицу наших сердец молодым городам Тольятти, Набережным Челнам. А теперь вот Волгодонск. Обещаем построить красивый город!»

...Атоммаш строит вся страна!

Заказы Атоммаша выполняют более 600 заводов страны.

Строится завод, и строится город-спутник. В ближайшие годы в нем будет жить сто тысяч человек. Ежемесячно возводятся сотни благоустроенных квартир. На глазах вырастают стены новых школ, детских садов, кафе, магазинов. Строится химико-технологический техникум, там разместится и филиал Новочеркасского политехнического института...

Недавно в Волгодонске, прямо на строительной площадке Атоммаша, состоялось областное собрание партийного актива. Обсуждались вопросы, связанные с досрочным вводом в эксплуатацию мощностей первой очереди. На собрании в числе других ораторов выступили первый секретарь Ростовского обкома КПСС Иван Афанасьевич Бондаренко, секретарь обкома партии Николай Михайлович Иваницкий и министр энергетики и электрификации СССР Петр Степанович Непорожний. Они говорили о задаче государственной важности, поставленной перед Ростовской областной партийной организацией решениями XXV съезда КПСС,— в десятой пятилетке создать и освоить мощности первой очереди Атоммаша и развернуть сооружение второй очереди. Строители, монтажники и эксплуатационники решили: к 22 декабря нынешнего года сдать в эксплуатацию третий корпус.

...Удивительны темпы стройки! Смотрю на третий корпус, на громаду из бетона и стали: как смогли всего за полгода поднять эту почти полукилометровую махину шириной в четверть километра?

— А в конце года корпус должен быть сдан в эксплуатацию,— говорит бригадир монтажников, заслуженный строитель РСФСР, коммунист Михаил Миронович Советов, кавалер орденов Трудового Красного Знамени и Октябрьской Революции...

Этот человек слов на ветер не бросает. Двадцать лет ведет он монтажников-высотников.

— Третий корпус сдали бы раньше,— добавляет Советов,— если бы вовремя снабжали нас необходимыми материалами, всегда обеспечивали бы фронт работ.

* * *

Задание партии по строительству гиганта атомного машиностроения будет выполнено. В это веришь, когда видишь, как старательно, плечом к плечу, трудятся тут и молодежь и ветераны первых пятилеток.

Среди ветеранов — знаменитый сварщик, делегат XXI, XXII и XXV съездов партии, член парткома стройки, донской казак, уроженец хутора Генералова Алексей Александрович Улесов. Ему шестьдесят лет. За его спиной — строительство Цимлянской ГЭС, где он был удостоен высокого звания Героя Социалистического Труда. А после Цимлы — Куйбышевская ГЭС. И снова почетная награда: вторая золотая звезда. Потом Улесов четыре года трудился на строительстве Асуанской плотины. После Асуана — Тольятти, КамАЗ. И снова Дон, родная земля, на которой он когда-то строил Цимлянскую ГЭС. Теперь на берегу Цимлянского моря, на стальном теле Атоммаша его новый автограф, огненный автограф выдающегося строителя. Теперь и о нем и о его учениках говорят: «Школа Улесова».

Прекрасная эта школа, такие, как Улесов, все одолеют.

Они построят Атоммаш.

«ШАГАЙТЕ, КУБИНЦЫ!»

Новелла ИВАНОВА, специальный корреспондент «Огонька», фото автора.

Под крылом самолета Атлантический океан. Долгих десять часов перелета — вода, вода, вода... Едва по динамику прозвучало: «Пролетаем Багамские острова»,— приникаю к окну. Острова напоминают кенгуру, вставшего на лапы. Отсюда до Гаваны уже совсем близко. Все чаще внизу, в лазури появляются крохотные кусочки суши. Синева океана сливается с небом, и порой не разберешь, где одна стихия переходит в другую. Но вот облака накрыли своими кудрями океан, и когда медленно, словно через переводную картинку проступили очертания острова, я сразу узнала его и вспомнила строки Николаса Гильена:

Качается Куба на карте:
Зеленая длинная ящерица...

Самолет, снижаясь, уже летит над аккуратно расчерченными полями, стадионами, домами под красными крышами и дорогами: Куба — первая свободная территория в Америке — похожа на раскрытую тетрадь, в которой почерком отличника написано: МЫ СТРОИМ СОЦИАЛИЗМ.

Аэропорт имени Хосе Марти. «Компаньера Иванова?— обращается ко мне высокая молодая женщина.— Я встречаю вас по поручению отдела печати министерства иностранных дел. Меня зовут Эмма Баррерас Каньисо».

От аэропорта до столицы всего полчаса езды. Но даже этот короткий путь рассказывает о больших переменах. Первое, на что обращаю внимание,— сколько современных, красивых автомобилей! Восемь лет назад по дорогам сновали полуразбитые, в немыслимых заплатках, без бампера, а то и без фар машины, в основном американских марок. Сейчас, объяснила Эмма, Куба закупила в социалистических и западных странах первоклассные автомобили, и мы будем путешествовать на «мерседесе».

Еще одна примета новой жизни Кубы — строительные краны. В пейзаж провинции Гаваны отлично вписались разноцветные дома, опоясанные белыми балконами. Оказывается, так теперь здесь строят школы, техникумы, институты. Страна переживает настоящий «учебный бум». В прошлом году каждый третий кубинец обучался в общеобразовательной системе или на курсах повышения квалификации. Сегодня здесь 600 тысяч школьников и 64 тысячи студентов. А к концу пятилетки будет миллион школьников и вдвое больше студентов. Особое внимание уделяется созданию школ нового типа — их называют «школы в поле», где учеба сочетается с сельскохозяйственным трудом. Узнав о том, что я интересуюсь этой темой, Эмма обрадованно кивает головой: «Мы поедем в школу имени Гагарина». «Сегодня?» Она смеется: «Сегодня воскресенье, и по программе — отдых, но мы сразу же из гостиницы отправимся в парк Ленина, любимое место отдыха гаванцев». В гостинице мне вручают «тархета» — запрессованный в пластик листок бумаги, который гарантирует здесь завтраки, обеды и ужины. Обстоятельство весьма немаловажное — на Кубе еще сохраняются карточки на основные виды продовольствия. Но уже в свободной продаже можно купить масло, яйца, рыбу, овощи, конфеты, некоторые молочные продукты. Одновременно со мной «тархета» получают двое журналистов из ФРГ. Эмма замечает, что в последнее время в отделе печати стало не хватать переводчиков для зарубежных гостей. «Но это хорошие затруднения,— говорит она.— Значит, мир хочет знать, что происходит в нашей стране».

ВСТРЕЧА С «ТРУБАДУРАМИ»

На термометре плюс двадцать. По кубинским понятиям это настоящий холод, и потому шоссе, ведущее к парку Ленина, относительно свободно. Этот парк недалеко от Гаваны был разбит шесть лет назад при активном участии Комитетов защиты революции. На Кубе каждый городской квартал и каждый поселок имеют свой пост Комитета защиты революции. Они были созданы для борьбы с контрреволюцией и саботажем. Теперь круг их задач иной: они регулируют общественную жизнь в своих районах, организуют субботники по уборке улиц и домов, политзанятия, но главное — ведут большую воспитательную работу с молодежью.

Машина сворачивает с шоссе. На указателе написано: «Парк Ленина». Но парка в нашем привычном представлении не оказалось. По обеим сторонам дороги холмы с банановыми рощами, пальмами. Послышался заливистый свисток, и нам навстречу выскочил миниатюрный паровозик. Он тащил за собой такие же маленькие вагончики с детворой. Мы продолжили путь, едва не столкнувшись с группой ковбоев не старше 10—12 лет. Оставив машину, идем бродить по парку.

Чего тут только нет! Карусели, лодки, плавучая эстрада, где часто выступают самые знаменитые «звезды», аквариум с диковинными рыбами и даже самый большой на Кубе, шестиметровый крокодил. Но, пожалуй, самое популярное место в парке — арена, где проходит родео — скачки смельчаков на необъезженных скакунах. И все эти развлечения не стоят ни сентаво. Одна из парковых дорожек привела нас в грот. Здесь стояли журнальные столики, кресла, а на полках — книги, журналы, газеты. Сели, листаем журнал, и вдруг в тишину ворвался аккорд гитары, его подхватил сильный женский голос. «Кто это?»— спросила Эмма девушку-библиотекаря. «Трубадуры,— ответила та,— они по воскресеньям выступают здесь рядом, в ущелье».

В ущелье, среди причудливо нагроможденных скал, заросших деревьями, сидели, кто на камнях, а кто прямо на земле, взрослые и дети. В центре кружка — женщина с гитарой. Черные брюки, мужского покроя рубаха, и только яркая нитка бус на шее — дань женственности. Она ударяет по струнам, взметнулись длинные прямые волосы, и я увидела ее лицо, строгое и немолодое.

Низкий, чуть с хрипотцой голос звучит удивительно задушевно. Слушая певицу, люди прихлопывают в такт песни, а потом подхватывают ее, сначала тихо, недружно, потом все громче и ладней.

Солнечные лучи, пробившись сквозь кроны деревьев, ярко осветили ущелье. Только теперь я заметила, как много здесь собралось зрителей. А люди все подходили и подходили.

Когда программа закончилась, мы познакомились, и я попросила «трубадуров» рассказать о себе. Тересита Фернандес — так звали певицу — много лет работает в театре. Два года назад она набрела на этот уголок в парке и подумала: а почему бы не попробовать выступить здесь с песнями? Следующий раз пришла с гитарой, села на камнях, запела, и вмиг собралась толпа. Импровизированный концерт длился несколько часов, а когда Тересита уставала, гитара переходила из рук в руки. Она стала приезжать сюда в свободное время. Однажды также случайно здесь оказался поэт Франсиско Гарсон. Вслед за ним пришел его друг — кукольник Педро Вальдес Пинья. Так появились в этом парке «трубадуры». Они выступают не только здесь, но ездят на заводы, фабрики, на плантации, и, конечно, это их добровольная работа.

— Главная задача нашей деятельности формулируется очень просто,— на прощание сказал Франсиско Гарсон,— расширить культурный уровень людей. Народ еще плохо знаком с поэзией, театром. Не каждый возьмет в свободную минуту книгу или пойдет в театр. Значит, на этом этапе развития революции театр и литература должны выйти из залов и библиотек сюда, в парки, на улицу, на заводы, чтобы раскрыть перед людьми мир прекрасного. В этом видим мы сегодня свой революционный долг.

МИЛЛИОНЕРЫ ИЗ БАТАБАНО

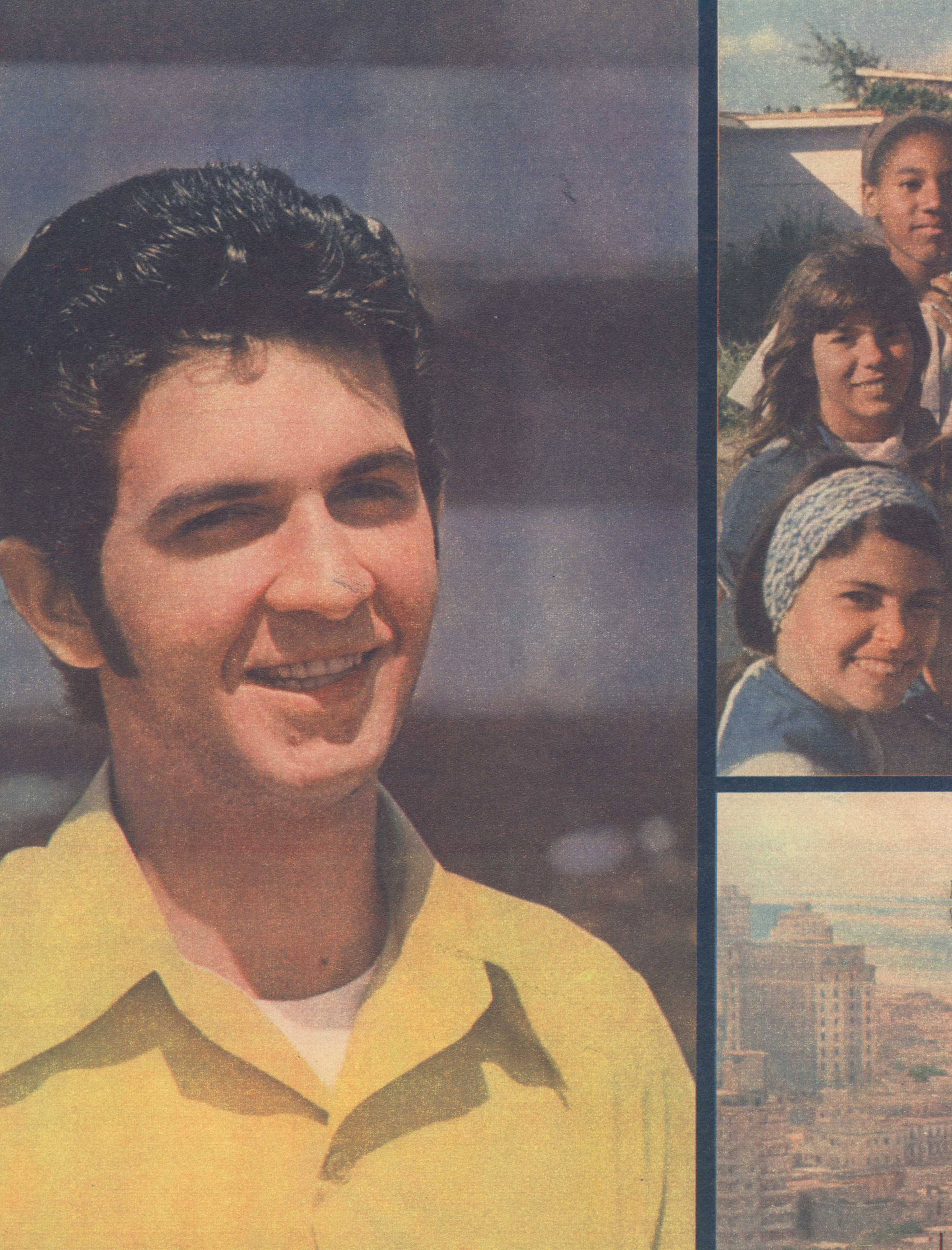
«Сахар — наше главное богатство!» — написано на обложке школьной тетради, которую я купила в Гаване. Над этими строками рисунок: человек в соломенной шляпе рубит сахарный тростник. Рядом — грузовик, который доставит этот тростник на сахарный завод. А вдали у причала — корабль. Сахар погрузят в его трюм и отвезут в самые разные страны, чтобы на деньги от его продажи построить заводы, купить грузовики, бумагу для школьных тетрадей и многое, многое другое.

...Мы едем в Батабано, к рубщикам сахарного тростника, мачетерос — миллионерам, известным на всю страну. Не удивительно, что на обочине шоссейной дороги нас встретил красочный плакат, оповещавший о том, где находится прославленная бригада имени Эвелио Родригеса Курбело. Съезжаем с шоссе на разбитую проселочную дорогу. Тракторы и грузовики проложили ее среди высоченных, почти в два человеческих роста зеленых зарослей сахарного тростника. Вокруг не видно ни людей, ни домов, хотя нам объяснили, что походный лагерь бригады должен быть где-то совсем рядом. Раскаленное солнцем зеленое безмолвие, и вдруг, как мираж в пустыне, появился домик. Над дверью — три красных флажка, а рядом, под навесом, в тенечке, двое стариков в майках с эмблемой бригады чистят картошку. Дежурные повара встретили нас приветливо, усадили с дороги отдохнуть у телевизора, угостили газированной водой и снова взялись за ножи — до обеда оставалось меньше часа. Старики сообщили, что с утра здесь уже были два журналиста. Кажется, немцы из Западной Германии. Два интервью за день, в разгар соревнования, когда люди дорожат каждой рабочей минутой! Но старики успокаивают: ничего, тут народ быстрый, вмиг догонят время.

●

«Вот я какую рыбу поймал!»— говорит Александр, сын рыбака из местечка Кохимар, прославленного Эрнестом Хемингуэем. ● В гаванский порт вошел советский корабль. ● На развороте вкладки: Восемнадцатилетний Хоакин Медерус днем ведет уроки физики в школе, а вечером слушает лекции в педагогическом институте. ● «Мы — из пионерлагеря имени Хосе Марти!». ● Гавана в знойный полдень.

— Как же сыскать бригаду?
— По дымку найдете...
— По дымку?
— Ну да! Ведь перед тем, как срезать тростник, его обязательно поджигают. Когда он обгорит, легче к стволу подойти.

И мы нашли их «по дымку». Из обугленных джунглей вышли трое в высоких сапогах, в черной, промокшей от пота одежде. Сняв соломенные шляпы и не спеша вытерев испачканные сажей лица, они надолго прильнули к глиняным кувшинам с водой. Я подняла с земли кусок срезанного; словно бритвой, ствола тростника, поставила на лист блокнота и обвела карандашом: в диаметре не меньше пяти сантиметров! Какую же нужно иметь силу, чтобы днями и месяцами на такой сумасшедшей жаре рубить тростниковые заросли! Но люди, с которыми я познакомилась, вовсе не были Геркулесами.

Аурелио Лопес Гордильо старше всех в бригаде. Ему 63. За свою долгую жизнь был он и рыбаком и строителем, служил в армии, работал в магазине, а теперь — мачетеро. Почему?

— Шесть лет назад я стал коммунистом, и я сказал себе: сафра — вот твой фронт. Собери свою волю и силу и докажи на деле, что ты коммунист.

Эвелио Санчес вдвое моложе. Сын крестьянина, он держит мачете с 12 лет. По профессии механик, работает в гараже.

— Знаете, сколько было у нас желающих поехать на сафру? Четыре человека на место! А почему люди стремятся на эту тяжелую работу? Потому что для нас свобода и процветание Кубы не пустые слова. Здесь, на сафре, решается судьба революции.

Третьему из них, Сантьяго Гонсалесу, за пятьдесят. В этом году его четвертый раз избрали парторгом бригады.

— Что означают три флажка, которые мы увидели в лагере?

— Три флажка — это три миллиона арроб[1] сахарного тростника, которые срубила наша бригада за 50 дней сафры. Пока мы держим первое место в провинции и думаем, что к концу сафры у нас будет восемь флажков!

Меня заинтересовало, сколько же сахара получится из этих 3 миллионов.

— Пожалуй, побольше трех тысяч тонн будет...

Целая сладкая гора! Но только тот, кто хотя бы день провел с мачете в руках, может сказать: я знаю истинную цену куска сахара. В прошлом году в сафре участвовало 180 тысяч человек. До революции эту работу выполняло вдвое больше рубщиков. Сейчас уже полностью механизированы работы по погрузке и сбору нарубленного тростника, с помощью советско-кубинского комбайна механизирована на 26,5 процента рубка. Но все же успех сафры зависит от тысяч мужчин и женщин, которые добровольно расстаются на несколько месяцев с семьями и домом, чтобы помочь родине. «Я могу заверить вас, что, несмотря на все материальные стимулы мира, никогда в эпоху капитализма не появились бы такие люди, как члены этих бригад»,— сказал Фидель Кастро о передовых мачетеро.

Мне кажется, он имел в виду миллионеров из Батабано.

«ШКОЛА В ПОЛЕ»

— Как тебя зовут?
— Оделия.
— Из какого класса?
— Седьмого.
— Нравится здесь учиться?
— Еще бы! Тут гораздо интересней, чем в обычной школе...
— Почему интересней?

Девочка оглядывается на товарищей, и они, как на уроке, приходят на помощь. «Здесь никогда не бывает скучно». «Расскажи про наши апельсины!». «Нет, лучше, как спектакль ставили». Но тут прозвенел звонок. Наскоро простившись, Оделия и ее друзья по ступенькам побежали на школьный двор. «Время второй линейки,— говорит директор Мигель Кастро и смотрит на часы.— Пойдемте, вы увидите, как она проходит». На дворе собралась пестрая, шумливая толпа. Но вот из галереи вышли двое учителей, и вмиг из хаоса возникли две четкие колонны — бежевая и синяя. У синей (цвет школьной формы) в руках книги, у бежевой (цвет рабочей одежды) — мотыги и соломенные шляпы. Мигель объясняет, что учителя знакомят ребят с заданием, которое одним предстоит выполнить на плантации апельсиновых деревьев, а другим — в классах. Спустя десять минут двор опустел. Растянувшись длинной цепочкой, бежевая колонна выходит на дорогу.

Шагайте, кубинцы-ы!
Нам будет счастье родины награ-адой...

Бодро звучал марш, который на Кубе знают все от мала до велика. С ним во время слушания чрезвычайным трибуналом дела участников штурма казарм Монкада входили в зал Фидель и его соратники. А в кабинете директора рядом с портретами героев легендарного штурма — фотография Юрия Гагарина с голубем.

— Юрий — выдающийся герой человечества. И мы очень горды, что школа носит его имя,— говорит Мигель.— Ребята разыскивают каждую крупицу информации о жизни первого космонавта. У нас есть музей Гагарина, и мы мечтаем о том дне, когда к нам приедет одна из дочерей Гагарина. Как вы думаете, это возможно?

Компаньеро директор молод, ему 32 года, а учителя, с которыми он меня познакомил, и вовсе показались мне совсем юными.

— Так и есть — ведь они пока еще только студенты — «профессорес»!
— Студенты-«профессорес»?
— Днем они ведут уроки в школе, а вечерами в институте учатся сами и, кстати, готовятся к следующему уроку. В нашей школе только 14 дипломированных учителей. Остальные 58 — студенты-«профессорес»: в стране острая нехватка учителей.
— И что же, справляются они?
— Отлично! Я даже заметил: у них с ребятами возникают более близкие и доверительные отношения.

Мигель Кастро много лет преподавал в обыкновенных школах. Всего год назад он пришел работать сюда, в школу нового типа, и было любопытно услышать его мнение на этот счет.

— Видели вы наши поля? Так вот, мы владеем 42 кабальериями[2] земли. Государство выделило нам землю, дало инвентарь, саженцы — учитесь хозяйствовать! И мы выращиваем цитрусовые, клубнику, притом ребята ведут весь цикл полевых работ: от посадки до уборки урожая. Как ликуют они в дни уборки! Как гордятся они каждым плодом, а главное, тем, что своим трудом они частично окупают расходы на содержание школы. Одежда, учебники, питание — все бесплатно. Родители не тратят ни сентаво. И, конечно, для Кубы, которая делает первые шаги в построении социализма, создание «школ в поле» дает возможность сразу решить две проблемы — экономическую и педагогическую,— воспитывая молодое поколение всесторонне развитыми личностями.

— А неуспевающие? — не удержалась я от каверзного вопроса.

Директор развел руками.

— Есть они, конечно, и в этой школе! Но в целом процент успеваемости здесь выше, и это естественный результат постоянного чувства ответственности ребят за все, что здесь происходит.

Я прошу Мигеля рассказать, как выглядит обычный день в школе имени Гагарина.

В шесть утра все уже на ногах. После зарядки и завтрака — утренняя линейка. Выстраивается вся школа — 558 девочек и мальчиков. На линейке зачитываются самые важные новости в мире и обязательно сводка о ходе сафры. В семь двадцать начинаются уроки и работа. В утреннюю смену на поле выходят младшие. После обеда и отдыха — вторая линейка. Теперь те, на ком была школьная форма, наденут рабочий костюм, и наоборот. В половине шестого — конец занятий и работы. Наступает время спорта, песен, танцев. А в конце недели автобусы развозят ребят на два дня по домам.

Пока в стране построено больше полусотни таких школ. Через десять лет их должно быть уже 1200. Большой скачок! Но к нему готовятся уже сегодня. «Для того, чтобы вечером взять перо, надо утром поработать мотыгой» — эти слова кубинского революционера Хосе Марти сегодня стали девизом жизни школы социалистической Кубы.

ДИАЛОГ С БУДУЩИМ

«Каса де Америка» — Дом Америки стоит неподалеку от знаменитой гаванской набережной Малекон. Окна его смотрят в бескрайнюю даль Флоридского пролива. В кабинете Роберто они распахнуты настежь.

— Поэт, литературный критик, профессор факультета языка и литературы, главный редактор журнала «Дом Америки», у которого жена и двое дочерей,— и все это Роберто Фернандес Ретамар,— шутливо представляется он, приглашая нас к столу, где стоят крохотные, всего на один глоток, чашечки с крепким кубинским кофе.

Одну из стен от пола до потолка занимают три огромные картины.

Все три повторяют обошедшую мир фотографию бородатого человека в беретке, которого кубинцы коротко и ласково назвали Че. Выглядят полотна необычно: все они остались недописанными, словно кто-то внезапно остановил руку художников.

— А ведь так оно и было,— с грустью произносит Ретамар,— художников, которые задумали написать эти картины, было не три, а тридцать. Сообщение о гибели Че Гевары остановило их работу. Картины оказались в самых разных странах, а эти три остались в Гаване и будут выставлены в музее, который мы хотим создать при Доме Америки. У нас есть образцы искусства латиноамериканских стран, замечательная коллекция чилийского народного творчества, подаренная Сальвадором Альенде...

Он стремительно встает из-за стола, высокий, худой, чем-то неуловимо похожий на Дон-Кихота.

— Вот ведь какой парадокс! Блокада США против Кубы привела нашу страну к дипломатической изоляции. Кроме Мексики, с нами порвали отношения все страны Латинской Америки. Но писатели, художники, поэты из этих стран именно в эти тяжелые для нас годы сплотились вокруг Дома Америки, и сегодня у нас за всю историю самые тесные культурные связи с этими странами!

Этот Дом был создан всего спустя несколько месяцев после победы революции. Его возглавила участница революции Айде Сантамария. Теперь она член Центрального Комитета Коммунистической партии Кубы и одна из руководителей Федерации кубинских женщин.

Я показываю Ретамару список гостей Кубы, с которыми я познакомилась в парке Ленина. Он расшифровывает их без труда: Онетти Хуан Карлос — выдающийся уругвайский поэт и писатель. Хосе Мурильо — аргентинец. В прошлом году он получил премию Дома Америки за лучший рассказ. Оскар Олива — молодой мексиканский поэт, а Рауль Гонсалес — поэт из Гватемалы...

— Все они активно помогают Дому Америки вести огромную работу. Мы издаем книги классиков и лучших современных поэтов и писателей стран Латинской Америки, организуем симпозиумы, а также творческие встречи, конкурсы. Наконец, мы рассылаем в самые разные государства наиболее актуальные произведения латиноамериканских писателей и, таким образом, информируем мир о том, что происходит сегодня в литературе этих стран...

Он спохватывается.

— Но я, кажется, увлекся! А вопрос, с которым вы ко мне пришли, касается не литературных дел, а нашего молодого поколения. Как это ни грустно, но я уже отношу себя к старшему поколению.

— Как, по-вашему, существует на Кубе конфликт отцов и детей?

— Конфликт? — Он улыбнулся.— Я расскажу вам одну историю, а выводы делайте сами. В год победы революции мне только исполнилось двадцать. Я уже был женат. В канун января я с отрядом народной милиции патрулировал улицы Гаваны, а жена шила распашонки для нашего первенца. Родилась дочка. Она хранит распашонки, на которых ее мать вместо цветочков и птичек вышила дату «1 января 1959 года». И вот недавно в воскресенье мы с семьей отправились пообедать в ресторан. Теперь, когда люди стали жить лучше, больше зарабатывать и покупать, у ресторанов появились очереди. Сели мы за столик, и старшая дочь, та, которая носила распашонки с датой революции, а теперь стала членом Союза молодых коммунистов Кубы, посетовала на то, что раньше попасть в ресторан было легче.

Я так и взорвался: «Как ты можешь так рассуждать? Раньше твой отец, когда был студентом философского факультета, все свои заработки отдавал в уплату за учебу и мечтать не смел сесть за столик ресторана!» Дочь посмотрела на меня с недоумением. «Папа, когда говорю «раньше», я имею в виду после революции. Если ты говоришь «раньше» — значит, до революции!»

Сделав паузу, он хитро глянул на меня.

— Ну как, есть конфликт отцов и детей?

И рассмеялся.

— Вот оно какое, поколение молодых! Для них начало жизни — это и есть революция. Для поколения их отцов революция — самое главное в жизни. Она точка отсчета новой биографии.

Мы как бы заново родились за эти годы. Мы учились говорить на новом, незнакомом языке — языке революции. Мы хорошо, старательно выучили этот язык, но все-таки говорим с небольшим акцентом. Это акцент прошлого. Для моей дочери и ее ровесников, когда они обсуждают свои дела, слово «революция» так же естественно, как слово «жить».

Гавана — Москва.

●

Аурелио Лопес Гордильо был делегатом Первого съезда Коммунистической партии Кубы. ● Этот дом строят сами для себя люди разных профессий, объединенные в «микробригады». ● Пионерское лето. ● Ученики «школы в поле», которая носит имя Юрия Гагарина. ● Оклидес Бауса руководит бригадой строителей в Гаване. ● В этот день Куба голосовала за новую конституцию. ● В живом уголке столичного парка.

[1] Арроба = 11,5 кг. Ред.

[2] 1 га = 13,5 кабальерий. Ред.

Р. ЕРМОЛЬЕВА

РАССКАЗ

Рисунок П. КАРАЧЕНЦОВА

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

В Прагу я приехала со своим коллегой, Георгием Васильевичем Бобровым, доктором медицинских наук. Наша совместная научная работа была темой доклада на симпозиуме.

Все шло хорошо, только туман портил настроение. До слез обидно: первый раз в Праге — и не увидеть ничего из-за тумана! Кому сказать — не поверят.

Бобров здесь свой человек — во время войны довелось воевать и после не раз приезжал, так что многое видел-перевидел. А я-то впервые сюда наведалась!

— Не унывайте,— успокаивал он меня.— Что-нибудь придумаем.

Георгий Васильевич позвонил своему приятелю Яну Новаку в «Союз чехословацко-советской дружбы».

Не спеша поднимаемся по ступеням вверх и попадаем на главную площадь перед памятником, где в шести братских и отдельных могилах спят вечным сном шесть тысяч восемьсот сорок пять советских воинов.

Цветы, всюду цветы. Тридцать лет прошло после войны, но в праздник и в будни идут к Славину люди отдать дань тем, кто остался лежать здесь навечно...

Обходим могилы, вчитываемся в имена, высеченные на гранитных плитах. Новак остановился, поджидая нас. Он показал на могилы, и мы прочли имена: гвардии майор Александр Григорьевич Тепляков, гвардии лейтенант Иван Алексеевич Красулин, гвардии лейтенант Владимир Федорович Козлов...

— С разведгруппой они первыми прорвались в Братиславу, занятую фашистами. Ребята служили в четвертой гвардейской парашютно-десантной стрелковой дивизии седьмой гвардейской армии Второго Украинского фронта. Группе было поручено разведать систему обороны города. Она выполнила боевое задание, а этим троим выпало остаться в городе и с помощью передатчика управлять огнем. Дом, где засели разведчики, был окружен гитлеровцами. Геройски сражались ребята, но силы были неравные. Они пали смертью храбрых — за два дня до освобождения города.

Подойдя к одной из могил, Георгий Васильевич остановился и положил цветы. С фотографии смотрят на нас серьезные глаза. Читаем: «гвардии капитан Евгений Дорофеевич Герцев».

— Вы знали его?— спросила я.

— Женя сражался в боях за город на земле в то время, как его отец, Дорофей Дмитриевич, военный летчик, сводил счет в воздушном бою с самолетами «люфтваффе» над Братиславой. И отец и сын воевали за освобождение этого города, и одному из них суждено было погибнуть.

Бобров закашлялся и, подавив волнение, зашагал к памятнику. Мы молча последовали за ним. По пути я читаю надписи. Нахожу женские имена: старший сержант Рукия Саляховна Саляхова, красноармеец Валентина Сергеевна

та второго февраля сорок шестого года присутствовал маршал Иван Степанович Конев, а восстанавливали его части Советской Армии и братиславские граждане.

Машина резко затормозила и остановилась.

— Узнаешь, Ян? Советская площадь! На этом месте в тысяча девятьсот сорок пятом году было полевое кладбище советских воинов,— пояснил мне Бобров.— Здесь мы хоронили своих товарищей, и Женю Герцева тоже.

На улице Чехословацкой Армии машина снова притормозила. На углу дома 33 прочли надпись на табличке: «В апреле 1945 года здесь была размещена первая советская комендатура города».

— Наталья Петровна, обратите внимание на памятник, мимо которого мы поедем. Это памятник «Победы». Братиславцы поставили его во славу Советской Армии,— пояснил Ян Янович.— Знаешь, Бобров, о чем я сейчас подумал? Не годимся мы с тобой в кавалеры, устарели... Все о войне да о войне. После обеда отправлю вас в Городскую галерею Примациального дворца. Посмотрите известные гобелены из Мортлейка, изображающие сюжеты легенды о любви Геро и Леандра.

— А чем займетесь в это время вы, Ян Янович?

— Подготовкой одного интересного мероприятия,— ответил Новак.— Но за мной останется легенда, о которой еще никто не знает.

...Мы вошли в погребок «Михальска пивница», или «У збройноша», как его еще называют.

Закругленный свод потолка, толстые стены. Вокруг массивных деревянных, на скрещенных ножках столов — крепкие стулья с высокими спинками. На нас пахнуло стариной.

— Для начала «Рислинг», затем «Бургундское», можно «Красное Монастырское» или «Губерт» — наше шампанское.

— И все?— засмеялась я.

— Мало? Я пощадил вас!

К вечеру все собрались в гостинице.

— Погода в Праге не изменилась,— сообщил Новак.— Самолеты не летают, придется

— Послушай, Ян! У нас два свободных дня, что ты предлагаешь посмотреть?

— Все зависит от того, что ты уже успел! В любом случае приглашаю к себе, только предупреждаю заранее: жены дома не будет, уехала к внукам, так что на кнедлики и брамбораки не рассчитывай.

— Спасибо за приглашение. Но я у тебя бывал не раз. Кроме того, со мной женщина. Я обещал быть ее гидом.

Наступила короткая пауза, и вдруг Новак обрадованно сказал:

— А не махнуть ли нам в Братиславу? Насколько мне помнится, с тех пор, как ты брал ее штурмом, больше не попадал в те края.

— А что? Идея!— согласился Бобров.

Вопрос был решен. Мы отправились в аэропорт в надежде, что если вылетим, то там, в Братиславе, уж обязательно сядем...

Братислава встретила нас красками осеннего дня. Багряно-золотистый октябрь пришел в Малые Карпаты. На солнечных горных откосах раскинулись обширные карты виноградников. Еще древние римляне завезли сюда виноградную лозу, и до сих пор вина Малых Карпат не потеряли своей славы.

Остановились в «Интеротеле Карлтон» на площади Гвездослава. Едва отдышавшись, наскоро перекусили и отправились к Славину — памятнику советским воинам.

Колоскова... Совсем молодые девчата в пилотках смотрели на нас с фотографий.

Церемониальный зал мемориала окружен пилонами. Здесь царит тишина. На каменную плиту кладем букеты алых гвоздик. Застываем в молчании...

В том, что Ян Новак в Братиславе свой человек, мы убедились еще на аэродроме, когда подкатила новенькая «Татра» и молодой словак, распахнув дверцы машины, приветливо по-русски пригласил:

— Просим, товарищ Новак, вас и ваших гостей! Меня зовут Иваном,— представился он, и радостные искорки запрыгали в его карих глазах.

— Сначала в Старую Братиславу: побываем «под вехой» или в каком-нибудь винном погребке выпьем хорошего бочоночного вина.

— Вам придется объяснить, что значит «под вехой»,— сказала я.

— Братиславские «вехи»— это специально отведенные помещения в домах виноделов или просто место перед домом, где продается бочоночное вино. История «вех» идет чуть ли не с тринадцатого века. Сейчас возрождают старую традицию.

— А нельзя ли сначала немного посмотреть город?

— Вы правы, Наталья Петровна. Наш город славится не только хорошим вином. Например, мост через Дунай. Его построили вместо разрушенного во время войны. На открытии мос-

возвращаться машиной. Иван — шофер отличный, довезет в полной сохранности. А сейчас поедем в Лимбах, в Пастушечью избу. Это километров двадцать пять отсюда.

Машина подкатила к низкому деревенскому дому с покатой черепичной крышей. Из окон доносилась музыка. Как только мы вошли в дом, оркестр заиграл «Подмосковные вечера».

— Добрый вечер, Ян! Здравствуйте, товарищи!— приветствовал нас высокий, стройный мужчина лет пятидесяти.— Проходите, рады видеть вас в наших краях!— Это прозвучало на хорошем русском языке.

— Знакомьтесь, председатель объединенного кооператива,— представил его Новак.— А это представители «Союза чехословацко-советской дружбы» в Словакии.— Он показал на сидящих за столами людей.

— Хороший гость к праздничному столу вдвойне дорог!— тоже по-русски заметила подошедшая к нам женщина, уже немолодая, с фиолетовым отливом на седых волосах.— Мария,— назвалась она и, крепко сжав мою ладонь, добавила:— Голичекова.

— Мария — женщина с героическим прошлым,— сказал Новак. Мария смущенно дернула его за рукав.— До конца ноября сорок четвертого года была в партизанском отряде, а когда стали восстанавливать в стране новую власть, пошла работать в областное управление корпуса национальной безопасности. Сей-

час Мария — активный член «Союза чехословацко-советской дружбы».

— О каком празднике вы упомянули?— спросила я Марию.

— Ежегодно в эти дни мы празднуем День чехословацкой Народной армии. Многие из присутствующих здесь участвовали в штурме Дуклинского перевала шестого октября тысяча девятьсот сорок четвертого года в войсках генерала Людвика Свободы совместно с шестьдесят седьмым стрелковым корпусом Красной Армии под командованием генерала Ивана Степановича Шмыго. В трудные дни на пути к Дукле родился лозунг: «С Советским Союзом на вечные времена!» Как видите, мы верны своему слову, высоко ценим дружбу с Советским Союзом.

Небольшой оркестр, разместившийся в углу комнаты, заиграл «Катюшу». Все дружно запели, затем перешли на «Темную ночь», «Полюшко-поле», «Степь да степь кругом». Пели с чувством, и я поразилась, как много здесь знают наших песен!

Стихийно возникшим самодеятельным хором руководил Йожка — так они дружески называли первую скрипку, руководителя оркестра. Он подошел к нам, продолжая играть на скрипке.

— У нас, кого ни возьми, все со своей историей. Вот и он.— Ян Новак кивнул на Йозефа.— Весной сорок второго был призван в армию фашистского клерикального правительства, существовавшего в то время в нашей стране. Узнав, что Йозеф цыган, фашисты посадили его в лагерь. Во время словацкого восстания был освобожден и сражался в партизанском отряде.

Йозеф подмигнул Новаку и отошел к оркестру.

— Что же было потом?— поинтересовалась я.

— Когда на чехословацкую землю для оказания нашему народу интернациональной помощи в борьбе с контрреволюцией вступили воинские части пяти социалистических стран и иные чехословацкие граждане поддались шовинистической, антисоциалистической пропаганде, Йозеф не скрывал своих симпатий к Советскому Союзу, вместе с оркестром играл по вечерам русские народные и советские песни в аудиториях, где было много иностранцев, преимущественно австрийцев и немцев, приехавших из ФРГ. Его пытались даже избить, но друзья заступились. Теперь он у нас первая скрипка, любимец публики.

— Ян Янович! Вы сказали, что у каждого есть своя история, а как насчет вашей?

— В жизни, как на белой скатерти, бывают темные пятна.

— Надеюсь, на вашей их не больше, чем у других.

— Как сказать... как сказать...— задумчиво произнес Новак.— Свои пятна я смывал собственной кровью.

Он отодвинул стакан с вином, достал из кармана пачку сигарет, но не торопился закуривать.

— То, что я скажу, будет для вас неожиданностью. Постарайтесь выслушать меня и понять... Войну я начал с выстрела в вашу сторону...

Во мне все сжалось. «А как же Дуклинский перевал?»— пронеслось в голове.

Как бы разгадав мою мысль, он продолжил:

— Перед войной я батрачил на ферме у графа. Для вас такие слова, как «граф», «батрак», звучат непривычно, а мы в те годы жили не так, как живут наши дети. Во время войны пришел черед, и меня призвали в армию. На фронте я увидел разрушенные русские города и сожженные села. Тогда я понял, на что нас толкнули, кому нужна такая война. Таких, как я, прозревших, оказалось немало. Нам удалось наладить связь с партизанами, и три ефрейтора, в том числе и я, сумели поднять группу словацких солдат и перейти на вашу сторону. Так начали мы смывать свои темные пятна.

Только теперь, когда Новак стал говорить о себе, я присмотрелась к нему. Он выглядел старше своих лет. Словно борозда, залегла глубокая складка на переносице, разделяя два пучка коротких, но очень густых, кустистых бровей.

«К чему он завел этот разговор?— думала я.— Чем все кончится?»

— Удивительный в России народ — женщины! Подобных им я не встречал ни в одной стране, где мне только не приходилось бывать. Мне думается, нет более сильной и более доброй души, чем русская женщина. Будучи в партизанском отряде, я узнал их ближе. Если, бывало, приходилось оказаться в деревне, они делились с нами последним куском хлеба, пуская на ночлег, укладывали нас на кровати, а сами с ребятишками устраивались на полу. Возражать им было бесполезно.

Музыканты заиграли польку. В центре комнаты закружились пары.

— Послушай, Ян!— обратилась Мария к Новаку.— Не пора ли пригласить потанцевать гостью? Тебе все равно одного вечера не хватит на рассказы о своей жизни.

И Бобров с Марией лихо закружились. Новак подхватил меня. Несмотря на полноту, он танцевал легко.

— Никак не предполагала, что вы так умеете!..

— Я всем обязан одной русской девушке. Это как раз та легенда, о которой я обещал вам рассказать. Но не стоит загружать сегодняшний вечер одними воспоминаниями. Как это восточный мудрец сказал?..

Не оплакивай, смертный, вчерашних потерь,
Дел сегодняшних завтрашней меркой
не мерь,
Ни былой, ни грядущей минуте не верь,
Верь минуте текущей — будь счастлив
теперь.

— Омар Хайам!

— Угадали. Так давайте же радоваться текущей минуте!

Утром мы двинулись в Прагу.

— Всегда восхищаюсь вашим умением отдыхать,— заметил Бобров.— Поют, танцуют, никаких деловых разговоров.

— Все разговоры и споры оставляем в кабинете.

Новак попросил разрешения закурить. Некурящий Бобров, не вынося табачного дыма, приоткрыл боковое стекло. В машину ворвался осенний воздух, пахнущий вспаханной землей и дымом сжигаемых листьев. По обе стороны широкой автострады простирались поля. Кое-где по пашне лениво разгуливали фазаны.

— Скоро охота на фазана начнется,— заметил Новак.— Жаль, что уезжаете.— Усевшись поудобнее, Новак на минуту замолк, затем вздохнул и заговорил:

— Было это в тысяча девятьсот сорок четвертом году. Звали ее Ниной, Нина Архипова... Светлоглазая, светловолосая, настоящая русская «березка». Не расставалась она с санитарной сумкой, даже когда спала. Уложенные под пилоткой косы иногда выскальзывали наружу и спускались по спине, как две шелковые ленты. В такие моменты она казалась подростком. Девушек в партизанском отряде было немало, но Нина выделялась. Так случилось, что никого до нее я не любил, а полюбив Нину, не смел ей сказать об этом. Она молодая, красивая, а я — бывший батрак, плохо говоривший по-русски, разве может она полюбить такого? Молча поглядывал я на сестричку, мечтал о ранении — в надежде, что ее теплые руки прикоснутся ко мне. Когда в Карпатах меня ранило осколком мины, я понял, что не только Нине, но никому другому я не буду нужен. Мне грозила опасность потерять ногу, вся кость до бедра была разбита, врачи боялись, не началась ли гангрена.— Новак то и дело поправлял очки большим пальцем той руки, в которой дымилась сигарета.— Наступил день операции. На дворе стоял декабрь. От крепкого мороза трещали деревья. Товарищи подбадривали меня: «Говорят, для храбрости стаканчик спирта подносят, потом сам черт не страшен!» Я лежал на операционном столе и искал глазами Нину. Хирург Лев Борисович Скляр подошел ко мне, взял за руку, нащупал у запястья пульс и спросил: «Что это вы, батенька, разволновались? Вынем все ваши осколочки, готовьтесь чехословацкую границу своими ножками переходить! Архипова, наркоз!»

Я не сразу узнал ее. Поверх марлевой маски смотрели на меня грустные глаза.

— Лев Борисович,— позвал я хирурга.— Нельзя ли без наркоза?

— Хотите выпить спирта?— удивленно спросил врач.

— Нет. Ничего не хочу, буду терпеть!

— Зачем же такая жертва, когда можно облегчить ваши страдания? Нам предстоит долгая и «ювелирная» работа. Мы-то выдержим,— пошутил он,— а как поведете вы себя, не знаю!

— Я выдержу, все выдержу, а наркоз плохо переношу!— боясь, что в забытье проговорюсь о любви к Нине, сказал я.

— Ну, что же, попробуем под местным, а там видно будет.

Операция шла долго. Порой я испытывал такую страшную боль, что готов был сорваться со стола. Губы искусал до крови, Нина промокала их влажным тампоном. Она стояла совсем рядом и не спускала с меня глаз, то и дело вытирая выступавшие капли пота на моем лице. Под конец операции я так был вымотан от боли, что не мог больше смотреть на Нину и, отвернув голову, стал думать о родном доме. Мне казалось, что я больше никогда не увижу его, а все то, что со мной происходит,— предсмертные муки.

Неожиданно перед моим лицом возникло лицо Льва Борисовича. Он был уже без марлевой маски, без резиновых перчаток. Его уставшие глаза по-доброму улыбались.

— Молодчина!— сказал он и положил руку мне на голову.— Предлагаю, как мужчина мужчине, хлебнуть глоточек спиртного и — спать!..

Нина поднесла ко рту мензурку. Она молча плакала. Тепло разлилось по телу, все вокруг закружилось каруселью.

...Новак достал из кармана большой носовой платок, вытер лицо.

— Ян Янович, если вам тяжело, не рассказывайте.

— Прошло столько лет, а как вспомню операцию, в жар бросает. Двадцать три осколка вынули из меня, три ношу в себе... Когда очнулся — а спал я долго,— меня беспокоила мысль, не выболтал ли я чего лишнего? Нина не подавала вида, ухаживала за мной. Однажды она задремала, сидя рядом на табуретке. Тихонько взял я ее руку и поцеловал. Она проснулась и удивленно посмотрела на меня. Еле слышно она произнесла: «Яничек...»

Одно слово — и все изменилось в наших отношениях. Однажды сильно стреляли зенитки, Нина в испуге прижалась ко мне. Ее лицо было совсем рядом с моим, я не выдержал и поцеловал ее. Она ответила.

Мы встречались с Ниной и после того, как я выписался из госпиталя. Она часто забегала к нам в блиндаж и еще с порога спрашивала: «Не отстает ли на марше нога у Яна?»

Как-то раз я не сдержался и обнял девушку, но Нина, отстранившись от меня, тихо сказала: «Яничек, если ты не возьмешь себя в руки, значит, ты не любишь меня!»

Новак замолчал.

— Она погибла?— спросила я.

— Нет.— Новак глубоко вздохнул.— Мы расстались на польской границе. Меня с товарищами перебросили в первый чехословацкий армейский корпус. Война нас как свела, так и разлучила. Долгое время мы переписывались, а потом связь прервалась.

— И вы ничего не знаете о ней?

— Два года тому назад я был в Москве, один мой советский товарищ помог разыскать ее. Нина стала врачом, работает в детской поликлинике, живет в Грозном. Знаете, я не выдержал и позвонил в Грозный. Услышал ее голос! Она ничего не знала обо мне... У нее нелегко сложилась жизнь. Первый муж погиб в автомобильной катастрофе. Нина снова вышла замуж... У нее двое сыновей. После звонка переписка возобновилась. Моя жена поначалу возражала, но потом поняла, что все осталось в прошлом. У нас четверо взрослых детей. Трое сыновей женаты, растут внуки. Скоро дочь выйдет замуж. Мы решили с женой пригласить Нину в гости. Обещала приехать весной, в День Победы.

— Ян Янович, что заставляет вас искать встречи с ней?

— Хочется просто встретиться. Прошлое, как эхо, отдается во мне. Раньше я боялся этой встречи... А сейчас хочу еще раз поблагодарить за то, что она спасла мне жизнь. У нас, в Словакии, мужчины моего возраста говорят: «Я стал немолодым, но еще красивый!» — И он провел рукой по седеющим, все еще густым волосам.— Не подумайте, Наталья Петровна, что бес мне в ребро! Просто хочу ее повидать...

Дремавший все это время Бобров неожиданно заговорил:

— Я бы на месте твоей жены семь раз подумал, прежде чем разрешить тебе эту встречу. Сколько мы с тобой вместе соли съели, а ты ни разу не рассказывал мне об этом!

— Ты ведь не женщина, мог бы меня и не понять. А вот жена поняла! Разное у нас с ней в жизни было, но я говорю всегда, когда она уезжает к детям в гости: «С тобой тяжело, но без тебя еще тяжелее. Приезжай поскорей!» Мы прожили с ней большую жизнь, и изменить уже ничего нельзя...

Новак замолк. Все погрузились в свои мысли. Я попросила Ванечку тихонько включить приемник...

ПО ТЕЧЕНИЮ РЕКИ ЕНИСЕЙ

Над местом, где была родная деревня, вот-вот сомкнутся воды Енисея. А самой деревни уже нет. Да и Енисей не тот, совсем не тот: не приплывут теперь по нему плоты с верховьев, поменяли профессию последние плотогоны, да и река, можно сказать, поменяла свою профессию с тех пор, как начали возводиться на ней грандиозные электростанции. И понятие «родные места» для Дмитрия Корнева, героя романа М. Воронецкого «Перед Джойским порогом», стало вроде бы условным. И все же... Не в силах человек преодолеть тяготения маленького клочка земли, на которой он родился.

Возвращению героя, происходящему в эпилоге романа, предшествует долгий, степенный рассказ о его детстве, об отрочестве. По-сибирски основательный и добротный, он на первый взгляд может показаться скучноватым и затянутым. На самом же деле как раз в этом-то и сильная сторона художественного почерка М. Воронецкого: медленное повествование незаметно овладевает читательским вниманием, вдруг начинаешь чувствовать себя в плену размеренного крестьянского быта, вступаешь в родство с далекими хакасскими степями, тайгою, отрогами Саян, с диким течением могучей реки.

Енисей царствует здесь. Он кормит, поит, в его водах находят гибель местные мужики-плотогоны. Так было веками. Действие, постепенно разворачиваясь, вдруг обретает свою временную характеристику. Безошибочно узнаются пятидесятые годы, начало шестидесятых. Поднимаются после военного запустения колхозы, но не сразу, не в один год, деревне еще придется пережить нелегкий период неосуществимых благих намерений, претворять в жизнь планы, нереальные в условиях Минусинской котловины. Именно в те годы происходит становление личности героя, личности, от природы наделенной трезвым крестьянским разумом и обостренным чувством справедливости, чертами, определившими в какой-то мере путь Дмитрия Корнева к печатному слову. Он становится журналистом, стремится к писательскому труду.

Еще в древности замечено, что в детстве время течет медленнее, чем в юности, с годами оно ускоряет свой бег все сильнее и сильнее. Это свойство нашего восприятия, видимо, помимо воли автора сказалось на темпе повествования романа «Перед Джойским порогом». Со вступлением героя в пору юности темп этот резко возрастает, события чередуются с головокружительной быстротой, что, конечно, не лучшим образом отражается на развитии характеров в романе. События из жизни героя за пределами родных мест требуют самостоятельного художественного осмысления, более детального раскрытия.

Впрочем, это замечание частное, в целом же автору удалось сохранить единство главной мысли, ради которой и создано произведение: возвращение неминуемо — возвращение к истокам.

М. ХОЛМОГОРОВ

Михаил Воронецкий. Перед Джойским порогом. Роман. Тула. Приок. кн. изд-во, 1975, 336 стр.

Виктор СМИРНОВ

И дух захватит ОТ ПРОСТОРА

УТРО

В такую рань встают лишь косари...
Как будто в реку,
окунусь в природу.
И что я вижу: золото зари
Упало на серебряную воду.

Густая тьма еще живет в дубравах.
Ты по дороге тихо побредешь...
Роса переливается на травах,
Да так, что даже слов не подберешь!

Тень от меня летит по полю длинно.
Так вот она, вся прелесть бытия:
Со мною рядом синяя долина,
Как будто чаша, полная питья.

А над землею солнышко сияет,
Последнюю рассеивая мглу...
И тяжесть лет неслышно
с плеч спадает
К березовому белому стволу.

●

Ночь. Сном глубоким спит вода.
Где луг, где лес, никто не знает.
Реки не видно — лишь звезда
Из черноты ее сияет.

Что хочешь делай. Хочешь, пой.
Или молчи, как вся округа.
Вселенная, как дом пустой,
Где нету ни врага, ни друга.

И только слышен шум пшеницы —
Не дремлет вечный злак земли.
Какая духота! Зарницы
Ночное небо жгут вдали.

Как праздник для души и взора,
Возникнет свет во мгле сплошной.
И дух захватит от простора,
Что вдруг предстанет пред тобой.

И хочется мне петь взахлеб,
Пока вовсю бушует пламя,
Пока зарю, как спелый сноп,
Восток не вскинет над полями.

Зарницы вспыхивают часто,
Вновь погружая мир во тьму...
Одно мгновенье длится счастье,
Чтоб не привыкли мы к нему.

ЛЕТО

Как я живу? Сушу у речки сено.
И никому не приношу вреда.
И, что уже совсем несовременно,
Купаюсь в одиночестве всегда.

Сейчас лугами не гуляют парочки.
Ведь сенокос — работа, не парад.
Под жарким солнцем бабы,
словно бабочки,
Вооружившись граблями, парят.

На берегу,
чтоб не мешать соседям,
Лежу. И сказки шепчет мне вода.
И сравниваю облако с медведем,
Которого не видел никогда.

Пусть дни летят! Я не грущу ни капли.
Пусть дует ветер — он не виноват.
Пусть хлещет дождь — я знаю: косы, грабли
Под крышами добротными висят.

И что мне осень, если до рассвета
Дышу медовым сеном снова я:
В сарае уместившееся лето
Шуршит под головою у меня.

●

Опускаясь за ветхую баньку,
Солнце косо на землю глядит.
Как пчела, залетевшая в банку,
Густо гром за горою гудит.

Паутина — плохая примета.
Видишь, как она блещет в тени?
Это значит, что красное лето
Доживает последние дни.

Пусть подпорками, словно калека,
Где-то яблоня громко скрипит —
Отдыхает душа человека
В час, когда у окна он сидит.

Вспомню луг, речки синюю ленту,
Вспомню вир, где нырял в глубину.
И скажу «до свидания» лету,
И под крик петушиный усну.

СЕНОКОС

Мой лучший праздник — сенокос,
Когда встаешь с зарею.
Ах, как он сладок, шум берез,
Парящих над землею!

По этой же тропе отец
Шагал с косой отбитой...
Зеленый мир, как огурец,
Лежит, росой омытый.

Качает хмара сеть листвы.
Вокруг — луга родные.
И волны редкие травы
Бегут, как и речные.

Я знаю, смотрят косари:
Мол, не забыл размаха?
На свет любви, на свет зари
Иду — в поту рубаха.

Такая и нужна мне жизнь,
На легкую не падкий.
А сзади шутят: «Торопись,
Не то отрежем пятки!»

Политый потом клок земли
Потом прославлю строчкой.
А мужики, что журавли,
Бредут, бредут цепочкой.

И среди них я — до конца,
Что б ни стряслось со мною.
Дойду покос я за отца,
Убитого войною.

Горит рубаха на ветру
Зарею в небе синем...
А если вдруг и я умру —
Косу доверю сыну!

БЛАГОДАРНОСТЬ

Встречая раннюю зарю
В широком поле,
Я жизнь за то благодарю,
Что рос на воле.

За то, что видел, как восток
Алел над хлебом.
За то, что синий василек
Сравнил я с небом.

За то, что не бросал камней
Я по мальчишкам.
За то, что около коней
Дружил я с книжкой.

За то, что крепок был мой сон
Под шепот вишен.
За то, что с детства осенен
Ржаною крышей.

За то, что с кручи, ловок, смел,
Нырял я часто.
За то, что землянику ел,
Хмельной от счастья.

За то, что ноги в час ходьбы
Я жег росою.
За то, что я в лесу грибы
Косил косою!

За то, что с мамой, труд любя,
Копал картошку.
За то, что веселил себя
Своей гармошкой.

За то, что я не хмурил бровь
На белом свете.
За то, что главную любовь
В селе я встретил.

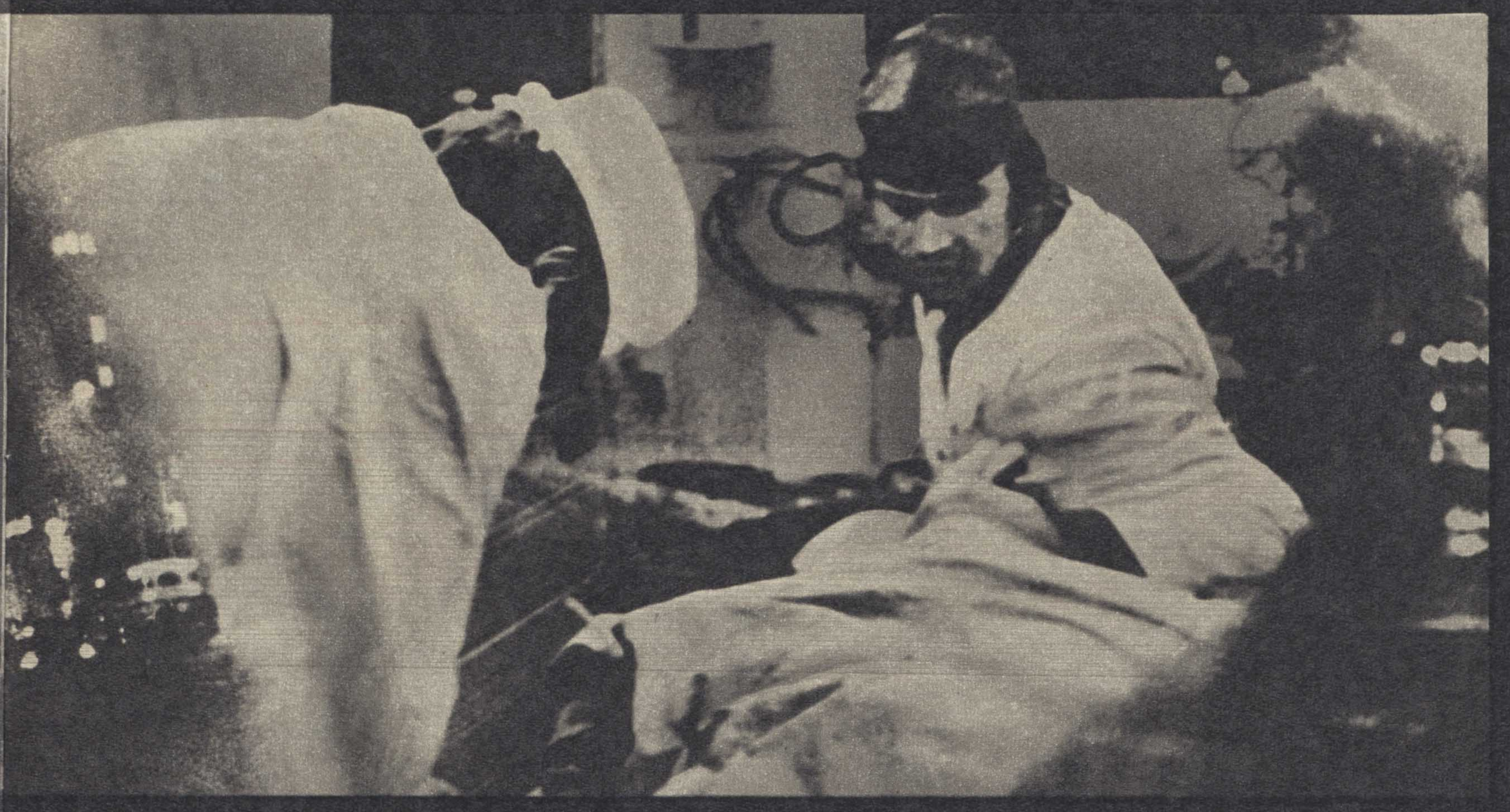
За то, что помню дрожь осин
Я над тропою.
За то, что скоро будет сын
У нас с тобою.

В деревне встретит он зарю,
Набравшись силы...
Я жизнь за то благодарю,
Что рос в России!

Операцию ведут Н. А. Кусова и Т. М. Дубовик.

НАПЕ

Тяжелая травма. В салоне реанимобиля идет осмотр больного.

РЕГОНКИ СО СМЕРТЬЮ

Фельдшер Г. С. Глухарев.

Сергей ВЛАСОВ
Фото Игоря ГАВРИЛОВА.

Фельдшер О. В. Качнов, кандидат медицинских наук В. С. Карташова и фельдшер В. В. Паук.

Наступило воскресное утро. Суточное дежурство только начиналось. Врачи-реаниматоры весело обсуждали вчерашний свой выходной. Но была в их оживлении какая-то затаенная настороженность. Будто они ждали чего-то, что внезапно могло оборвать их шутливые разговоры...

Резкий звонок разделил день на две неравные части — до вызова и после.

— Что?
— Перелом позвоночника.
— Жив?
— При смерти.
— Далеко?
— Рядом, на Садовом кольце...

Реанимобиль помчался по улице, разрезая сиреной монотонный шум просыпающегося города. В просторном салоне машины напротив врача-реаниматора Леонида Владимировича Сульповара сидели молодые фельдшеры Андрей Марков и Владимир Коган. Машину вел Степан Степанович Гечан, один из опытнейших водителей Москвы.

Подъехали к нужному дому.

— Странно, почему не встречают?

Нашли подъезд и квартиру. Позвонили. Не скоро за дверью раздались шаркающие шаги. Недовольный голос спросил:

— Кто там?
—«Скорую» вызывали?
— Какую еще «Скорую»?— На пороге появился небритый парень с заспанными глазами.— Нет, не вызывали.

Уточнили адрес, фамилию. Все совпадало.

— Пошли, ребята,— сказал Сульповар.— Опять ложный вызов.

Как потом оказалось, это не успевшие протрезветь со вчерашнего дружки парня решили над ним подшутить. «Шутка» обошлась им в несколько месяцев тюремного заключения.

Но самое печальное было в том, что когда бригада в белых халатах поднималась в квартиру на Садовом, в реанимационное отделение Института имени Склифосовского поступил еще один вызов. На этот раз уже настоящий. В другом районе города лежал распростертый на земле 20-летний Володя. Он сорвался с балкона 7-го этажа, пытаясь установить антенну радиоприемника.

Вот когда действительно был нужен реанимобиль, операционная на колесах. Но, к сожалению, в Москве он пока единственный...

Пять минут. Всего лишь пять минут отделяют остановку сердца (клиническую смерть) от того момента, когда начинают отмирать нервные клетки головного мозга и когда человеку уже нельзя вернуть жизнь. Всего пять минут дается реаниматору, чтобы он смог осуществить свое высокое предназначение...

Реанимобиль примчался к месту трагедии, когда сердце Володи уже не билось. Сколько времени — минуту, две, пять? А если больше, значит, нет смысла бороться за его жизнь? Есть смысл. Стопроцентная гарантия смерти — для реаниматора еще не гарантия.

На носилках Володю перенесли в машину. Раздели. Сейчас главное — восстановить дыхание и деятельность сердца. Все остальное потом.

Потеря крови огромная. В подключичную вену вводят катетер и подсоединяют к капельнице с кровезаменителем. Одновременно больному вскрывают трахею и подключают аппарат искусственного дыхания.

Осмотр показал: у пострадавшего тяжелая травма черепа, двусторонний перелом грудной клетки с разрывом легкого и ушибом сердца, перелом таза и перелом бедра с обильным кровотечением. Каждое из этих поражений может привести к смерти, а тут — четыре сразу.

Экран осциллографа свидетельствует: сердце молчит. Как нужен сейчас наружный массаж сердца! Но его нельзя делать из-за множественного перелома ребер.

В сердце вводится адреналин. Сердце молчит все равно. В действие вступает дефибриллятор. Мощный электрический разряд в семь тысяч вольт пронзает сердечную мышцу. Сердце отозвалось — на экране запрыгал электрический зайчик.

Теперь надо ослабить тиски изнуряющей боли. В местах переломов проводят новокаиновые блокады, накладывают шины.

Можно ехать. В течение всей дороги чуткие приборы следят за состоянием больного: измеряют артериальное давление, частоту пульса, показатели функции дыхания. Снимается электрокардиограмма — все это понадобится тут же, как только пострадавшего доставят в отделение...

Больного ввозят в реанимационный зал. Взятые в пути анализы отправлены на исследование. Начинается самый тщательный осмотр...

Надо ли говорить, что ни днем, ни ночью врачи не оставляли больного ни на секунду? Через сутки бригады сменились. Ответственный реаниматор Л. В. Сульповар передал дежурство Вере Сергеевне Карташовой. Ниточка Володиной жизни перешла из одних рук в другие.

К концу второго дня электроэнцефалограф показал: у больного повреждены стволовые структуры мозга. А это значит летальный исход. Значит, смерть неизбежна, вопрос лишь в том, когда она наступит.

Прошли вторые сутки, третьи. Все это время Володя был на грани жизни и смерти. Автоматы за него дышали, перекачивали кровь. Все знали: он должен умереть — и все-таки дрались за его жизнь. Боролись с остановками сердца, с болью, с переломами, с нагноениями ран, с вовсе некстати разыгравшимся воспалением легких...

На четвертые сутки опытный хирург профессор А. П. Кузмичев провел сложную операцию — наложение на места перелома ребер танталовых скобок.

Неожиданно для всех утром пятого дня у больного появились первые признаки сознания. Это уже была надежда. Маленькая, но все-таки надежда. Около Володи собрались все, кто был в отделении.

— Может быть, ошибся электроэнцефалограф?
— Все может быть, но скорее всего молодость берет свое...

Всю следующую неделю он был еще на грани смерти. Сознание приходило к нему редко. Лишь в конце второй недели он смог дышать самостоятельно.

Когда на двадцатый день появилась уверенность, что Володя останется жить, его перевели в травматологическое отделение...

Прошло три месяца, и вот я снова в отделении реанимации. В ординаторской нас трое. Говорит заведующий отделением, кандидат медицинских наук Вадим Павлович Шевченко:

— Специфика нашей работы в том, что реаниматор должен быть мастером на все руки. Он и хирург, и травматолог, и терапевт, и анестезиолог, и рентгенолог. И еще он должен быть очень проницателен: в считанные секунды суметь определить место ведущего поражения. Вот вам пример. Дорожная катастрофа. У пострадавшего разбита грудная клетка. Кроме этого, разрыв селезенки, но травма скрыта от глаз врача, хотя по некоторым, не слишком очевидным признакам и можно это понять. Врач начинает «ремонтировать» грудную клетку, а больной вдруг умирает. Ему, оказывается, надо было как можно скорее удалять селезенку.

Кстати, о смертности. Восемь-девять лет назад, когда в Институте имени Склифосовского еще не было отделения реанимации, 70 процентов поступавших в институт с тяжелыми травмами умирали. Сегодня, по статистике, 87 процентов остаются жить. А обслуживает наше отделение более полутора тысяч человек в год. Это самые тяжелые травмы.

Мы занимается не только лечебной практикой, но и научной работой. Основное ее направление — разработка современных методов экстренной помощи при тяжелых травмах. И потом уже свои рекомендации и методики мы передаем службе «Скорой помощи».

Как и Вадим Павлович Шевченко, целиком посвятил себя реанимации Леонид Владимирович Сульповар.

— Работа наша,— говорит он,— конечно, не из легких. Но я бы ее не променял ни на какую другую. Потому что здесь, как нигде лучше, ощущаешь, что ты нужен людям. Хотя больные почти никогда нас не видят. Как только они начинают осознавать, где они и кто что с ними делает, их уже переводят в другие отделения.

Да, к реаниматорам редко приходят со словами благодарности. Чаще всего слова эти достаются другим врачам.

— А вот кому наши пациенты обязаны своим спасением больше, может быть, других, так это нашим фельдшерам, — говорит Леонид Владимирович. — На их долю приходится вся самая трудная работа. Кормление больных, которые лежат без сознания, их туалет, уколы, перестилание постелей, внутривенные вливания, поддержание чистоты в зале, ведение документации — и так целые сутки. Огромная физическая нагрузка...

— А чем же кончилась история с Володей?
— С Володей? — Сульповар улыбнулся. — Пролежал в институте еще три месяца. Потом выписался. А вот недавно звонил, приглашал на свадьбу.
— Ходили?
— Не смог. У меня как раз в этот день было дежурство...

Наш разговор прервал звонок. Снова вызов.

МИЛЛИОН ЗАГАДОК

Я хочу рассказать о человеке, который посвятил насекомым чуть ли не всю свою жизнь.

Зовут его Виктор Степанович Гребенников, живет он в небольшом сибирском городке Исилькуль, работает в Институте химизации сельского хозяйства. Гребенников — энтомолог. Занимается он вопросами охраны и разведения насекомых. Из всех естественных защитников растений первые — это насекомые. Им-то и посвятил Гребенников всю свою жизнь. Его опыты по одомашниванию диких шмелей получили очень высокую оценку крупных специалистов.

Небольшая квартира Гребенникова напоминает скорее лабораторию — в одной из ее комнат оборудовано жилище для шмелей: почти все стены заняты их искусственными гнездами. Его книга «Миллион загадок» о русской природе, о маленьких защитниках полей и лесов — насекомых пользуется широкой известностью.

Но, кроме того, Гребенников еще и художник. И рисует он все тех же насекомых.

Что заставляет меня говорить о картинах Гребенникова как о некоем явлении? Мне как энтомологу множество раз приходилось наблюдать за самыми разными членистоногими, тщательно изучать их повадки, привычки, облик. И вот что удивительно — хоть я не считаю себя новичком в энтомологии, все же должен признать, что рисунки Гребенникова открывают мне да и другим специалистам нечто новое и в анатомии и в поведении насекомых. Каждая его картина — это шаг к познанию сложного и загадочного насекомьего мира. Кстати сказать, самого многочисленного на Земле по количеству видов — их число приближается к миллиону, тогда как во всей остальной фауне около 500 тысяч видов. И об этом мире мы знаем очень и очень мало. Каким, например, невероятным образом муравьи могут не только видеть, но и осязать предметы? Или из какого источника скорпион пополняет запас энергии во время вынужденного почти годового голодания? Или откуда у блохи фантастическая способность прыгать на расстояние в 500 раз большее, чем ее тело? А каким чудом покажется нам обычная пчела, если ее тысячекратно увеличить!

Рисунки Гребенникова — произведения и науки и искусства. На его рисунках насекомые живут, живут со своими повадками, привычками и характерами. Вот почему на съезде энтомологов в Ленинграде Гребенникова как автора многих книг и рисунков о насекомых публично благодарили крупнейшие ученые страны за пропаганду научных знаний.

Е. БАЦЫЛЕВ,
энтомолог

Ф. Решетников. ГЕРОИЧЕСКАЯ ПЯТЕРКА. 1975.

ПЕРВЫЙ МИТИНГ НА ЛЬДИНЕ. 1976.

Ф. Решетников. ЗА МИР! 1950.

В ПЕРЕСТИРКУ

В. ПРИВАЛЬСКИЙ,
Г. ДРЕВНОВСКАЯ

Лет 20 назад появились в Москве «американки» — так, помнится, называли тогда первые фабрики-прачечные, оснащенные импортным оборудованием. Хозяйки сначала отнеслись к ним скептически, недоверчиво. Наиболее передовой оказалась мужская часть населения, особенно когда на углу Кузнецкого моста и Неглинной открылся приемный пункт «Снежинка». Щеголи выстраивались тут в очередь с самого утра, чтобы на следующий день получить свои сорочки свежими, сверкающими крахмалом и великолепно выглаженными.

С тех пор прошли годы. Восторги мужчин сильно поостыли: и сорочки, особенно воротнички, плохо выглажены, и пуговицы на них вплавлены в ткань или сломаны. Что же касается хозяек, то они сперва было преодолели консерватизм и начали отдавать в стирку белье, а потом вновь одолел их скепсис. Произошло это после того, как им стали возвращать простыни уныло-серого цвета, пододеяльники плохо, а то и вовсе не накрахмаленными, а наволочки без пуговиц. И теперь хозяйки единодушны в своих оценках: наши фабрики-прачечные работают плохо.

Что же произошло?

Давайте проследим путь нашего белья от приемного пункта до окошечка с надписью «Выдача белья».

Приемный пункт фабрики-прачечной № 16. Приемщица роется в грязном белье, что-то бормочет, кого-то ругает. С трудом получаем жалобную книгу. Сильно захватанная руками, она полна однообразных жалоб:

«Четыре раза приходил за сорочками, а они так и не готовы» (Абрамов). «Сейчас пятилетка качества, а белье из прачечной получаю грязное, сдал в перестирку, так не только не стало чище, а появились новые грязные пятна» (Серов).

А как на других фабриках? Заехали мы в **прачечную № 71.**

По словам директора В. И. Гордальонова, она построена десять лет назад, оснащена импортной техникой. Заглянем в основной цех фабрики — стиральный. Здесь стоят ряды внушительных цилиндрических барабанов. По скользкому плиточному полу струятся ручьи грязной мыльной воды. Вокруг барабанов похаживают работницы в высоких резиновых сапогах и клеенчатых фартуках до пола.

— Почему струи?— почти кричим на ухо мастеру-контролеру Мешковой.

— Перегрузка!— кричит она в ответ.

Позже мы узнали: барабаны рассчитаны лишь на 100 килограммов белья, а фактически в них загружают больше.

Поразительные нарушения технологии можно наблюдать на любом этапе. Загрузка, выгрузка, даже транспортировка мокрого белья производятся вручную. В центрифугах, где происходит отжим белья, оно настолько плотно спрессовано, что его приходится выдирать оттуда поштучно с помощью обыкновенного дрючка. Вот тут-то оно большей частью и рвется.

Если в барабаны запихивают раза в полтора больше белья, чем предусмотрено нормой, если раствора, отбеливателя и крахмала приходится меньше нормы, если белье варварски выдирают из центрифуг, не удивительно, что к финишу оно приходит почти таким же серым, каким поступило на фабрику. И, наконец, последний этап — глажка. Устаревший утюг давно заменен каландром. Он рассчитан на обработку одной тонны белья за 8 часов при давлении пара 8 атмосфер. Фактически же за смену пропускают полторы тонны, причем давление пара не поднимается выше 5—6 атмосфер. Белье на валки укладывается не впритык друг к другу, а одно на другое, пододеяльники — поверх простынь, полотенца — поверх наволочек и т. п.

В чем же дело? Почему такое возмутительное нарушение технологии? Почему работницы фабрики превратились в тех же прачек, только без корыта и утюга?

...За каждый килограмм и кое-как и хорошо выстиранного белья стиральщица получает 0,309 копейки. На первый взгляд, сумма мизерная. Между тем заработок стиральщиц колеблется от 130 до 200 рублей в месяц. По 200 рублей зарабатывают опытные стиральщицы, так сказать, асы стирки. Минимум получают неопытные девчата, недавно принятые на работу.

Двести рублей... Это значит, что работница обработала за месяц около семидесяти тонн белья. Сто тридцать рублей — соответственно свыше сорока тонн. А ведь условия совершенно одинаковые, белье стирается автоматически, барабан остановить нельзя, он сам автоматически отключается ровно через 55 минут. Тогда чем же отличаются новички от асов? Каким секретом обладают работницы высшей квалификации? На этот вопрос и директор и сами стиральщицы ответили молчанием.

А ларчик, по-видимому, открывается просто. Новенькая, только что пришедшая на фабрику и впервые в жизни увидевшая столь внушительные агрегаты, просто-напросто боится загружать в барабан больше положенной нормы. Опытные же стиральщицы знают, что барабан все выдержит. Давай жми! Главное — план! А контроль за качеством? В премии одинаково заинтересована и работница, загружающая барабаны сверх всякой меры, и контролер: премию дают, если план перевыполняешь.

Очень плохо обстоит дело с кадрами. Работают преимущественно жаждущие получить временную прописку в Москве. Проходит время, им оформляют постоянную прописку, и они тут же покидают фабрику. Поэтому бригады неукомплектованы, людей всегда не хватает. Специалистов же нет совершенно. Сам директор по специальности полиграфист, у него среднетехническое образование. Заведующий производством и главный механик имеют восьмиклассное образование. О руководителях цехов и говорить не приходится.

Городская молодежь на фабрики-прачечные идет крайне неохотно. Что за радость называться стиральщицей или гладильщицей? Девушки, работающие на фабрике, скрывают это от друзей. Вот если бы аппаратчицей или механиком!

— А если бы мы назывались не фабрикой-прачечной,— грустно замечает директор,— а, скажем, фирмой «Белоснежка», или «Лебедь», или еще как-нибудь, к нам не стыдилась бы идти молодежь.

Но, может быть, нам не повезло и мы попали в какую-то особенно неудачную прачечную? Выбираем другую, также наугад.

Фабрика-прачечная № 43. Та же самая картина, те же нарушения технологии, то же серое, неприглядное белье на финише. Та же нехватка людей, так же в дни авралов к агрегатам становятся инженерно-технические работники. Лишь бы вытянуть план. Обстоятельства усугубляются тем, что за 12 лет фабрика ни разу не ремонтировалась. Механизмы вышли из строя, котельная отказала, зимой лопнули трубы.

При всем при том директор фабрики В. И. Каратеева придерживается более чем странных взглядов на качество: «Серое белье? Очень просто! Тот, кто сдает белье грязным, серым, тот и получает его серым. А кто сдает чистым — получает чистое». Дальше, как говорится, некуда. Охотнее всего В. И. Каратеева принимала бы белье прямо из магазина.

Есть, однако, на стиральном горизонте и белые пятна. Мы побывали на **21-й фабрике-прачечной.** Начать с того, что здесь главный инженер тов. В. И. Байкович, специалист с высшим образованием,— механик по прачечному оборудованию. А оно здесь в общем такое же, как везде. Ручной труд сведен почти до минимума, за счет этого и производительность труда высокая и заработки больше, чем на других фабриках. Притом никаких нарушений технологии! Если гладильщица видит, что белье сероватое, она сама отправляет его в перестирку.

На некоторых приемных пунктах введена система работы на доверие. Клиенты, не теряя времени на очереди, опускают свои узлы в специальный бункер. Приемщица потом сама рассортирует белье. Платят клиенты за услугу лишь при получении выстиранного белья. Ни одной жалобы!

Значит, можно, оказывается, работать хорошо, даже отлично, можно стирать и гладить белье так, что оно радует глаз.

А что думают в Московском тресте прачечных по поводу удручающе плохого качества стирки на большинстве фабрик? Управляющий трестом Борис Михайлович Дорофеев был весьма раздражен, когда ему рассказали о виденном на двух фабриках.

— Да не может этого быть! — с пылом воскликнул он.— На всех наших фабриках отличное качество стирки белья.

— По чьей оценке?

Тут произошло некоторое замешательство, и тов. Дорофееву пришлось признаться, что такую оценку вынесли комиссии по качеству, состоящие из... тех же сотрудников фабрик. Трудно ждать от них объективной оценки. Вот если бы комиссии были независимыми, как, скажем, торговая инспекция, если бы в них входили представители заказчиков, тогда, вероятно, и оценка была бы совсем иной.

Потом нам довелось прочесть доклад тов. Дорофеева, с которым он выступал на активе треста в марте 1976 года.

«В 1975 году фабрики-прачечные уменьшили объем обработки белья населения по сравнению с 1974 годом... Количество жалоб за это время возросло на 12 процентов». И управляющий трестом самокритично признается: «...мы из года в год из-за низкого качества обработки белья, низкой культуры обслуживания и срыва сроков теряем доверие даже у сложившегося контингента заказчиков».

Как это ни тривиально, но приходится напоминать директору треста прачечных, что уже прошло первое полугодие пятилетки качества и стыдно сейчас работать так, как работают многие фабрики-прачечные.

Анатолий ИВАНОВ

РОМАН

КНИГА ВТОРАЯ

Рисунки П. Пинкисевича

* * *

Этот разговор начальника штаба с командиром дивизии произошел вскоре после приезда капитана Кошкина в дивизию, и вот теперь, к исходу дня, штрафная рота, получив боевой приказ, покинула деревушку Малые Балыки, чтобы до темноты прибыть к восточной оконечности болот, которые начинались в двух километрах от Жерехова.

Двигались повзводно, с интервалом в полкилометра. Строя никакого не соблюдалось, бойцы шли кучками, командиры отделений то пропускали своих подчиненных вперед, стоя на обочине, словно пересчитывали людей, то пробегали, обгоняя всех, в голову колонны, покрикивая: «Не растягиваться! Па-а-шире ша-аг!»

Бойцы шага не прибавляли, но и не убавляли, и это означало, что команда все-таки выполняется.

Сбоку дороги пегая лошаденка тащила телегу, на которой сидели два дряхлых старика и угрюмая женщина в старом мужском пиджаке, подпоясанном ремнем, в черном платке. Один из стариков правил, другой, чуть помоложе первого, спустив ноги с телеги и едва не бороздя ими по земле, с любопытством оглядывал штрафников. Женщина ни на кого не обращала внимания, угрюмо глядела куда-то перед собой и, кажется, ничего не видела. Старики были безоружными, а женщина сжимала автомат, который лежал у нее на коленях, обтянутых тоже черной, как платок, юбкой.

— Что за чучела?! — уже не первый раз спрашивал Гвоздев, подбегая то к Зубову, то к Макару Кафтанову.— Куда они с нами, а? Гляди, бабе даже автомат выдали!

— Проводники, слышал я,— сказал наконец Зубов.— Через болота нас поведут.

— Проводники-и! — Гвоздев похлопал радужными, красивыми глазами.— Хе-хе, прижать бы где эту проводницу спиной к земле...

— Дурак. Она же беременна,— поморщился Зубов.

— Ну-к что... Я же не роды принимать стал бы. Немножко, хе-хе, наоборот.

Зубов поморщился еще раз и вяло, без всякой неприязни к Гвоздеву подумал: «Пристрелить бы его все же хорошо...»

Всем бойцам штрафной роты перед маршем были выданы автоматы, по четыре диска к ним, по три гранаты. Макар Кафтанов, длинный, давно не бритый, нес автомат не за плечом, как многие, а на шее, оружие будто гнуло его к земле, он горбился, временами, словно через силу, распрямлялся и зло сверкал черными цыганскими глазами, оглядывая бредущих людей, стариков и бабу на телеге. Гвоздев, потный и красный, какой-то весь взвинченный, то и дело подскакивал к нему.

— А что, Макар? Через болота, а? А дале что? На убой же гонят.

— Отвяжись,— сплюнул Макар и почесал пятерней потную, исколотую непристойными картинками грудь.

— Да ты не плюйся, а давай подумаем... Не пора ли подумать, говорю! А, Зуб? — хрипел он, оборачиваясь к Зубову. И снова к Макару:— Через болота мы, кажись, в тыл немцам выйдем, я кумекаю. А немец — он что? Он нашего брата, уголовника, ребята говорили, не обижает... Самый момент, братцы!

— Вон командир отделения как услышит...— Макар кивнул на пробегающего куда-то назад отделенного.

— Ну, гляди, Макар,— прошипел Гвоздев.— Еще такого случая, может, и не подвернется.

Макар на это ничего не ответил, будто не слышал, а Зубов опять подумал равнодушно, не испытывая никаких эмоций: «Пристрелить собаку...»

* * *

Капитан Кошкин и старший лейтенант Лыков в пункт сосредоточения роты на восточной окраине болот приехали до прибытия взводов за полчаса. Здесь, на сырой поляне, окруженной чахлым разнодеревьем, дымили уже полевые кухни, старшина роты Воробьев покрикивал на бойцов хозвзвода, заканчивающих сооружение на краю поляны командирского блиндажа. Санитарные палатки, о которых еще днем говорил лейтенант-медик, прятались в тени кустов, возле них мелькали девчонки-санинструкторы, прибывшие сегодня утром из запасного полка, некоторые были без ремней, в нижнем белье, с распущенными волосами.

Узнав о прибытии командира роты, девчонки с писком попрятались, а через некоторое время появлялись уже одетые по форме, с сумками на боку.

— Так,— мрачно сказал Кошкин, оглядев поляну. Сел на кочку, задрал голову вверх, куда струились дымки от полевых кухонь:— Не засекут? В двух километрах немцы...

— Кругом дымно, чего там,— произнес Лыков.

Боевые действия на этом участке, утихнувшие вчера под вечер, в течение дня не возобновлялись, но во многих местах еще догорали подожженная техника, участки леса и, видимо, какие-то деревушки, дым расползался над всей округой, над болотом, утихомиривая комаров. Если бы не дымная мгла, от комаров, наверное, не было бы спасения.

У достраивающегося блиндажа суетились связисты с катушками проводов, вешали провода на шесты, на крупные сучья деревьев.

— Скоро они? — Кошкин взглядом показал ординарцу на связистов. — Узнай. И начсанчасти позови. И Воробьев пусть подойдет.

Первым подбежал лейтенант-медик, начал было рапортовать, но Кошкин махнул рукой.

— Развернулся?

— Так точно, товарищ капитан. Осталось поставить операционную палатку.

Никаких операций в санчасти роты делать не полагалось, тяжелораненых следовало немедленно отправлять в дивизионный санбат или эвакогоспиталь, но рота дралась обычно в местах, от которых эти медицинские подразделения находились далеко. И средств для отправки раненых, как правило, почти не было. Кошкин всегда добивался, чтобы начальником санчасти в роте состоял более или менее опытный хирург, который в полевых условиях был бы способен делать простейшие операции.

— Не надо ставить, — сказал командир роты лейтенанту. — И поставленные палатки убирай.

— То есть... как?

— Связь, Данила Иванович, будет через час, — сказал подошедший ординарец. — Командир взвода связи сам где-то тянет линию.

— Хорошо. Как появится — немедленно свяжите меня с «Ромашкой».

— Будет сделано, товарищ капитан.

«Ромашка» — командир подразделения, которое с наступлением темноты должно было занять позиции на левом фланге.

Появился, на ходу вытирая потную шею пилоткой, старшина Воробьев.

— Ты вот что, — сказал ему Кошкин.— Блиндаж тоже прекратите строить.

— Почему?

— А потому... — Кошкин еще раз поглядел на небо. — Воздушной разведки противника не было?

— Я тут уже несколько часов, — сказал Воробьев. — Ничего не пролетало.

— Наше счастье, значит... Ужин готов?

— Так точно.

— Сейчас подойдет рота. Накормить всех хорошенько. Проверить у каждого бойца НЗ. И вот что... Можем ли еще что-нибудь в НЗ добавить? Бой будет, возможно, долгим.

— Есть немного свиной тушенки. Ну, центнера полтора сухарей.

— Все раздать...

— Да это же в Балыках осталось.

— Доставить! — прикрикнул Кошкин.— Немедленно! Вон, возьмите мою машину.

— Слушаюсь! — вытянулся Воробьев.

— Товарищ капитан? Все-таки непонятно... как же свертывать санпалатки? — спросил лейтенант-медик.

— Выполнять... Не понадобятся. По прибытии роты будет отдан боевой приказ, все поймете... — И повернулся к ординарцу: — Принеси нам со старшим лейтенантом ужин.

Ужинали Кошкин и Лыков тут же, на траве, поглядывая, как девушки-санинструкторы и бойцы хозвзвода свертывают палатки, грузят их на санитарные повозки. Солнце село, болота, поросшие желтым ивняком, дышали жарким, вонючим испарением, оттуда, казалось, выползала тьма и, пропитывая и без того дымный воздух, медленно заливала поляну. Было тихо, фыркали изредка лошади, звенели удилами, да время от времени раздавался приглушенный девичий хохоток.

Кошкин и Лыков прибыли сюда прямо из штаба дивизии, куда ездили за уточнением хода предстоящей операции. Вышли они от Демьянова мрачными, всю дорогу не разговаривали и сейчас, поскребывая ложками в котелках, молчали.

Первые бойцы роты появились на поляне из-за кустарников неожиданно. Командир взвода старший лейтенант Крутояров, в прошлом камчатский рыбак, до сих пор не

Продолжение. См. «Огонек» №№ 18—29.

В Е Ч Н Ы Й

расстающийся с тельняшкой, что-то негромко скомандовал, бойцы начали строиться вдоль поляны.

— Ну, что, Лыков, — вздохнул Кошкин, отставляя котелок, — приближается судный наш час, что ли?

— Я особо в жизни не грешил, — ответил тот с усмешкой. — Пил до войны в меру, жену не обманывал. До того, как познакомился с ней, были, конечно, девчонки... Так что пронесет, я думаю. А твое настроение мне не нравится,

— Да, брат, под сердцем сосет, — признался Кошкин. — Такого боя, какой предстоит, у нас еще не бывало. Не напрасно роту положим?

— Не уверен?

— А ты?

— Нам надо быть уверенными, — вместо прямого ответа сказал Лыков.

— Надо... Это и я знаю, что надо.

Они помолчали, глядя, как выстраивает подходящих бойцов взвода Крутояров. Потом он опять что-то скомандовал, строй качнулся, но не рассыпался, люди просто сели на землю.

— Это правильно, — сказал Кошкин. — Пусть отдыхают, переход был немалый. Значит, так, Лыков... После ужина собери всех командиров отделений. С подробностями объясни всю ситуацию, проведи, словом, всю политическую подготовку. Я перед этим отдам всем подразделениям боевой приказ... Потом буду лично говорить со всей ротой.

На поляну, мягко постукивая по кочкам, выехала телега, на которой сидели два старика и женщина.

— Ну, давай, занимайся своими делами, — вставая, проговорил Кошкин. — А я со стариками этими еще разок потолкую... И чтоб костры не вздумали разводить. С наступлением темноты, я думаю, воздушные разведчики начнут болтаться.

* * *

Кошкин был прав: когда навалилась темнота, в небе глухо загудела немецкая «рама», то приближаясь, то удаляясь. Когда воющий звук приближался, над небольшой поляной, где скучилась рота, раздавалась протяжная, негромкая команда:

— Ко-ончай курить! Задавить окурки!

Каждый послушно тыкал папиросы в землю. Все понимали, что будет, если немец сверху засечет местонахождение роты и на поляну посыпятся снаряды, а то и бомбы.

И вообще рота перед боем всегда преображалась, дисциплина подтягивалась. Поразному готовились штрафники к предстоящему испытанию тяжелым боем. У иных проявлялись отчетливые проблески сознания воинского долга. Даже самые отчаянные головорезы притихали, понимая, что наступает рубеж, за которым или ничего не будет, или следующим утром для них взойдет солнце. Сделать трудное дело и остаться при этом в живых надеялся все-таки каждый, и эта вера, всегда замечал Кошкин, даже в самом отпетом преступнике вдруг высвечивала человеческие черты, давно в нем уничтоженные, задавленные уголовным бытом, безжалостными законами этого страшного мира. И, что любопытно, реальное, почти ощутимое дыхание смерти все-таки относительно редко толкает этих людей на новые преступления. Бывают, конечно, случаи, как с Гориллой, но по отношению к общей массе людей в роте это мелочь. Бывают самострелы, «мыльники», пытающиеся таким способом увильнуть от предстоящего боя. У таких людей приближающееся ледяное дыхание смертельной опасности вызывает животный страх, но и их, в общем, тоже немного. Попадаются, наконец, экземпляры, рассчитывающие сохранить никчемную и жалкую жизнь свою сдачей в плен врагу в удобный момент в ходе боя... Но подавляющая масса штрафников готовится к крещению огнем и кровью покорно, сознательно и честно, отчетливо, наверно, в этот момент понимая и ощущая, в какой огненный, постепенно смыкающийся круг каждый сам себя загнал, вырваться из которого можно только честным исполнением того, что требует стоящая выше неумолимая и безжалостная сила военных законов.

Раздумывая сейчас как-то помимо воли обо всем этом и еще о десятках больших и малых, крайне важных в данный момент вещей, Кошкин щепками прикалывал к земляной стене недостроенного блиндажа большой лист бумаги, на котором крупно была обозначена продолговатая поляна, где сосредоточилась сейчас рота, болото, речка, высота за ней, немецкие траншеи по краю болота и по обеим сторонам высоты. Подобные «наглядные пособия» он всегда рисовал перед началом боя, полагая, что зрительная память командиров взводов и всех прочих подразделений роты может помочь им в дыму и грохоте боя лучше ориентироваться на местности, лучше управлять боем и обеспечивать его всем необходимым.

Блиндаж освещался немецкой карбидной лампой, командиры взводов и всех других служб, расположившиеся вдоль стен, хмуро наблюдали за Кошкиным. Свет лампы окрашивал все лица в бледно-серый, неживой цвет. В углу кучкой сидели старики и женщина в выданных им крепких армейских сапогах; старики были в зеленых новеньких бушлатах, а женщина все в том же обмызганном пиджаке, на коленях ее лежал, как и в дороге, автомат, который она сжимала обеими руками. Глаза ее угрюмо поблескивали из-под низко надвинутого платка.

— Слушать внимательно, — сказал Кошкин, оборачиваясь и вытаскивая из-за голенища тонкий прутик. — Мы — здесь, на поляне. Где-то там, по кромке болот и, конечно, в лесу, клином выходящем к речке, немцы. До них примерно два километра. Сколько их, мы не знаем... Точных разведданных нет. Известно лишь, что немало. Много артиллерии. Взводам роты предстоит подойти к немцам скрытно через болота. Тропки на карте показаны условно. По их словам, — Кошкин кивнул в угол, где сидели проводники, — одна тропа выходит прямо к лесному мысу, вторая вот здесь, метрах в семистах от первой, третья — к речке. Так? — повернулся он в угол.

— В аккурат... на луговинку и к речке, — пошевелил бородой один из стариков. — Бывалоча, я ишо в холостяках шнырял по этой тропе из Зозулина. В Зозулине жил-то я. В Жерехово, значит, чтоб... Это счас мы в Малых Балыках, а тогда в Зозулине жили.

— Хорошо, — сказал Кошкин, повернулся было снова к карте. И вдруг спросил: — А зачем тебе, отец, в Жерехово-то надо было?

Он спросил это, посмеиваясь, и видно было, что знал, какой будет ответ.

— А по молодому делу, — ответил старик. — К матке ихней хаживал... Алексины да Терешки вот.

Плеснулся хохоток, люди зашевелились, будто отряхивая тяжесть, лежавшую незримо у каждого на плечах. Некоторые полезли за табаком.

— Курить отставить, задохнемся ж, — проговорил Кошкин, тоже улыбаясь, довольный, что люди ожили. — Прошу внимания. Значит, одна тропа на два взвода. Бой предстоит необычный, прошу это понять всех. Хотя обычных у нас не бывает, но этот... Брать немецкие траншеи предстоит под шквальным огнем нашей артиллерии...

В блиндаже немедленно установилась гробовая тишина. Но спрашивать никто ничего не спрашивал, ожидая дальнейших слов командира.

— Да, товарищи, под своими собственными снарядами... Немцы ожидают, что мы ударим именно здесь. Больше негде... И заранее по всему берегу болота заняли сегодня утром оборону. Знают или не знают, где выходят из болота тропы, не могу сказать. Не исключено, что кто-нибудь из местных жителей и указал им... Врагу, надо полагать, неизвестно время удара, но он подготовился... Твердых площадок для накопления бойцов перед ударом не будет, атаковать придется с ходу по выходе из болота. И немец встретит, конечно, наши жиденькие цепочки, вытекающие из болота, огнем в упор. Пулеметным и пушечным... Чтобы его подавить в момент атаки, и будет гвоздить наша артиллерия... По вражеским головам и по нашим.

Карбидная лампа горела ровно, обливая всех жиденьким светом, люди сидели не шевелясь, тупо, казалось, осмысливая страшные слова командира роты. Алексина, медленно вращая головой, оглядывала всех враждебно блестевшими из-под платка глазами и будто спрашивала безмолвно всех сразу: «Что, испугались, командиры?»

Кошкин тоже оглядел своих подчиненных и тоже будто остался недовольным их видом и состоянием. В гневе раздувая ноздри, сказал:

— И кроме того, все болотные берега, я думаю, заминированы... Во всяком случае, я бы так сделал, ожидая в подобной ситуации атаки вражеской штрафной роты. А немец — он тоже не дурак.

Один из стариков, то ли отец, то ли сын, тоненько, по-птичьи чихнул, торопливо перекрестился, прошепелявил непонятно к чему:

— Прости ты, господи, грехи наши тяжкие.

Кошкин покосился в угол на проводников, продолжал:

— Когда ворвемся во вражеские траншеи — огонь нашей артиллерии по сигнальной ракете прекратится. Тут уже не зевать. Боекомплект у бойцов невелик, но как пользоваться немецкими автоматами и гранатами, мы людей учили... Взяв траншеи, уничтожив врага, быстро преодолеть эту речку, сосредоточиться у подножия высоты 162.4, по правому склону, вот здесь. — Кошкин щелкнул прутиком по бумажному листу. — Одновременно с атакой роты на вражеские позиции у болота начнется наступление наших войск справа и слева. Перейдя речку, мы окажемся в тылу у немцев... Наша задача — ударить им в спину, опять... — Кошкин на несколько секунд остановился, ноздри его снова хищно пошевелились, брови сдвинулись. Он переступил с ноги на ногу, сломал прутик, отбросил его. — В общем, навстречу нашим наступающим войскам пойдем. Навстречу нашему огню... Вот так, в общих чертах. Но пока поставить роте задачу — взять траншеи на берегу болота. Только эту задачу! А там... приказ последует. Я буду вместе с ротой. В случае моей гибели командование принимает старший лейтенант Лыков. В случае его гибели — лейтенант Крутояров. Затем командиры второго, третьего взводов... В резерв себе беру два отделения.

Связных от каждого отделения выделить вдвое больше. Санитарам двигаться вслед за бойцами, раненых с поля боя выносить будет некуда, стаскивать их в воронки от снарядов, в ямы и канавки...

Кошкин говорил еще несколько минут, отдавая необходимые перед боем распоряжения. И, наконец, вздохнув, совсем не по-военному сказал:

— Ну и, кажись, все...— Повернулся к проводникам: — В болоте-то не перетопнем?

— Не... Ежели цепочкой, то не... — сказал один из стариков.

Другой добавил, потряхивая бородой:

— Коров мы тут дажеть прогоняли. А сапог — он не вострое копыто. Под ногой пружинить будет, знамо... Пущай солдаты не боятся.

— Этого не испугаются... Ну, все. Идите в свои подразделения, готовьте людей. Через час построить роту!

* * *

Рота была выстроена повзводно по краю поляны, залитой чернильной темнотой.

Кошкин, молча расхаживавший вдоль строя, не видел глаз бойцов, не различал их лиц, но по едва уловимому движению в колоннах чувствовал то напряжение, с которым люди ждут его слов.

Он еще помолчал, прислушиваясь к мертвой тишине, немного удивляясь возникшему вдруг неизвестно почему чувству покоя и благополучия; на секунду почудилось, что нет никакой войны, на всей земле царит покой и мирный труд, что люди, собравшиеся на поляне перед болотом, вовсе и не бойцы штрафной роты, а члены какой-то невиданно огромной колхозной бригады, и вот, поужинав после трудового дня, они собралась уходить с полевого стана по домам.

Но эти мгновения продолжались недолго, в груди появилась сосущая боль, сердце чем-то прищемило. И Кошкин, поморщившись, резко остановился, вскинул голову.

— Бойцы и командиры! Приближается минута, о которой так или иначе каждый из вас думал. Не так давно и я стоял на месте каждого из вас... Участвовал я во многих смертельных боях... и перед каждым боем о чем-то тоже думал. О чем? О смерти и гибели? Нет. Чего ж думать об этом — смерть и гибель на войне кругом. И думай не думай тут, а судьба, если выпала такая, она тебя найдет. Нет, я думал вот о чем: плохой ли я, хороший ли — ладно, но почему эту землю, где я родился и рос, топчет проклятый фашист, по какому праву он терзает ее, жжет огнем и взрывает железом, почему он вонючим своим поносом испражняется на нее?

Все это, в том числе и последние слова, Кошкин произнес обдуманно. Давным-давно он понял, что патетика и громкие речи этими людьми не воспринимаются, с ними говорить нужно грубо, обнаженно и цинично. Тогда народ этот считает, что с ним говорят откровенно, по-человечески.

По рядам прошел ропот, шеренги в темноте закачались, строй, казалось, сейчас рассыплется. Но Кошкин этого не боялся, он был доволен, что его слова вызвали в роте протестующий ропот, — значит, дошло, царапнуло многих за что-то живое, что еще тлело в мрачных глубинах их давно опустошенных и сгнивших душ.

— Сми-ир-рно! — рявкнул Кошкин во все легкие. И эта команда произвела необходимое действие: рота замерла.

Кошкин помедлил ровно столько, сколько было нужно, чтобы каждый штрафник почувствовал и осознал, что команда выполнена не им одним, а всей ротой. И насмешливо произнес:

— Обиделись... Один мой знакомый говорил: обиделась кобыла, что ей шлею под хвост вдели. Да у кучера кнут был...

На этот раз шеренги не дрогнули, стояли неподвижно, только слышалось во мраке тяжкое дыхание. Теперь, когда у штрафников было разбужено что-то живое, можно было говорить с ними несколько по-иному.

— Вы провинились тяжко перед родителями, которые вас на свет произвели, перед землей, на которой живете, перед всеми людьми... А все это вместе называется Родиной. Вы надругались над Родиной, оскорбили ее. И ей ничего не оставалось, как взять в руки кнут, крепкий, беспощадный, чтобы научить заблудших своих граждан.

Заложив пальцы за ремень, Кошкин сделал вдоль строя несколько шагов, повернулся, зашагал в другую сторону.

— Но Родина не только сурова, а и добра. Не думайте, что в тяжкий для нее час она призвала вас на ее защиту... Защитников у нее хватит. Они дерутся с врагом не из-под палки... А по долгу сыновей и дочерей Отчизны. Вам же Родина просто по доброте своей предоставила последний шанс возродиться из грязи, очиститься огнем и кровью от слизи и гноя, который проел насквозь ваши души, заслужить ее прощение...

Где-то над болотом опять завыла «рама», на этот раз не близко, звук ее, возникнув, сразу же стал отдаляться. Через несколько секунд далеко на западе слабеньким колеблющимся заревом осветился кусочек неба, донесся редкий лай зениток.

Ни один человек в строю не шелохнулся, и Кошкин с удовлетворением отметил это. Постреляв, пушки умолкли, зарево, будто обессилев, погасло. И опять наступила тишина.

— Характер предстоящего боя вы знаете, — произнес Кошкин в полнейшем безмолвии. — Я же скажу вам одно: после этого боя все... и пролившие и не пролившие кровь будут освобождены из роты. Подчеркиваю — все! Кроме тех, конечно, кто проявит в бою трусость, кто вздумает прятаться за спины товарищей. Таких мерзавцев после боя расстреляем! Хочу, чтобы и это было ясно... Вопросы есть?

Вопросов не было.

* * *

Болотная жижа хлюпала под ногами.

Ощущая под собой тонкий и ненадежный травяной пласт, готовый в любую минуту порваться, Петр Зубов шагал за низкорослым штрафником, боясь потерять во мраке или за кустами его спину. Алексина, мрачная беременная проводница, идущая где-то впереди их взвода, еще там, на поляне, предупредила: «Идти цепкой и друг от дружки не отставать. Отстанет ежели кто, ткнется в бок — и леший болотный за ноги вниз утянет. А так тропа просторная, мало что зыбучая — это ничего, надежно. Идти я буду тихо...»

Сзади, хрипло дыша прокуренным горлом, шел Гвоздев, он тоже боялся отстать, и временами Зубов ощущал его горячее дыхание на своей шее, слышал обессиленные злобой, приглушенные матерки.

Теплый болотный воздух был вонюч и едок, идти было тяжко, глаза заливал пот, автоматные диски и гранаты больно оттягивали ремень. К тому же комарье, поднятое, как дорожная пыль, движением людей, резало лицо, шею, кисти рук, прожигало плечи и спину сквозь взмокшую гимнастерку. Люди обмахивались ветками, но комарье это не отгоняло.

Низкое небо, не то по-прежнему задымленное, не то покрытое тучами, черной крышкой висело над головой, и Зубову чудилось, что оно постепенно опускается, как чудовищный пресс, все ниже, грозя его и всех остальных вместе с этими чахлыми кустами, с жесткой осокой и комарами вдавить в зыбкую болотную почву.

Алексина выполняла свое слово, шла где-то впереди медленно, а временами, видимо, вовсе останавливалась, давая возможность всем подтянуться. Пока задние подтягивались, Зубов, стоя в длинной шеренге, слушал редкое кваканье лягушек, перебирал в памяти недавний разговор с Алейниковым и думал о жизни — непонятной ему, жестокой и бессмысленной для него. Ему уже скоро сорок лет, он не нашел в этой жизни места и не найдет, конечно, он враждебен этому миру, и мир ему враждебен. Да и не только ему. Вот сколько тут, в болоте, людей, безжалостная сила гонит их сквозь топи вперед, навстречу смерти. Впереди смерть и сзади, если повернуть,— смерть. «Вы надругались над Родиной, оскорбили ее... И ей ничего не оставалось, как взять в руки кнут...»

Эти слова командира роты капитана Кошкина, кажется, ничего не вызвали в душе Зубова, он слышал их тысячу раз и раньше, потому по привычке внутренне усмехнулся. Только мелькнуло почему-то в мозгу, что и Алейников во время их беседы говорил, собственно, о том же, хотя таких слов не произносил. Кнут... Но какой-то чудовищный кнут вообще свистит над землей, гоняет под небом неисчислимые толпы людей то в разные стороны, то навстречу друг другу, и тогда люди вступают между собой в смертельную драку. «Тут уж кто кого, борьба классов...»

Фраза эта, сказанная недавно Алейниковым, будто наяву прозвучала вдруг опять над ухом. И Зубов удивился, что мысль, заключенная в этой фразе, забытая и ненужная ему, оказывается, жила где-то в нем, как огонек под слоем холодной золы, и вот неожиданно всплыла, будто опровергая его спутанные и невеселые мысли. А почему «будто», подумал он, мрачнея. И почему «ненужная»? Ведь он, Зубов, спросил же у Алейникова: «От людей мне прощение может быть или нет?»

Над болотом потянули теплые, гнилые струи воздуха, нисколько не освежая вспухшего от укусов комарья и от внутреннего жара лица, лягушки все трещали где-то хрипло и скрипуче, будто ворчали на нарушенный покой, уныло шуршали мелкоствольные ивняки, мотали космами ветвей. Рядом стоял Гвоздев, он поглаживал ладонью автоматный ствол и о чем-то вполголоса переговаривался с Кафтановым. Тот слушал, не отвечая, вытягивал исхудалую шею, смотрел куда-то поверх кустов, и Зубов не пытался разобрать слов Гвоздева. «Опять уговаривает к немцам, — подумал Зубов. — И уговорит, наверное, поддастся Макар... Сволочи».

Еще у Зубова мелькнуло, что Макар Кафтанов в последнее время как-то свял, замкнулся, хмуро о чем-то все время думал, будто внутри у него что-то завелось и начало больно точить. Макар стал худеть, даже осунулся, лицо сделалось костлявым. Но тут же эта мысль пропала, в голове ворочалось, охлаждая по всему телу горячую кровь: «Убьют сегодня, найдет меня в конце концов пуля. А жалко».

Зубов думал так о себе, как о ком-то постороннем, которого могут убить в предстоящем бою и которого ему будет жалко.

Взвод, растянувшийся на большое расстояние по болоту в одну шеренгу, где-то впереди снова двинулся, под ногами захлюпала вода. Зубов, ощущая на плече тяжесть автомата, шагал и думал теперь еще более угрюмо, что какие-то странные вопросы, подобные вот этому — может ли ему от людей прощение быть? — беспрестанно возникают в мозгу. Вопросы возникают, но ответа на них нет, никто не может их дать. И Алейников не дал, пошел философию разводить: есть, мол, разные преступления, некоторые даже закон может простить, а люди — никогда. Например, измена Родине... Родине я не изменял и не собираюсь, это вон Гвоздев, кажется, собирается. Кафтанова Макара уговаривает. А я — нет, хотя что для меня Родина, где она, какая она! Для отца, видимо, была какая-то и где-то Родина, его за это убили... Борьба классов. А я какой класс? И может ли быть, может ли отыскаться для меня Родина? Она где-то существует, чужая и непонятная, суровая, но и добрая, как говорил недавно на поляне Кошкин. Где же она существует? Где нашел ее сам-то Кошкин, в прошлом тоже заключенный? Спросить бы у него...

Мысль эта, возникшая, как и все остальные, неожиданно, в отличие от других не пропала, не исчезла, а начала ворочаться в мозгу все беспокойнее, вызывая чувство и облегчения и надежды. Зубову казалось: стоит спросить — и откроется неведомое, куда он шагнет, оставив разом за плечами свою ужасную, непроглядно-кошмарную жизнь, мрак и чернота сомкнутся за ним, разом отрежут, отсекут все прошлое. Пусть будет этот страшный бой сейчас, пусть будут еще десятки боев — он, Зубов, каждый раз будет кидаться в самую их гущу, в самый огонь и грохот, он не из трусливых, и ни пуля, ни осколок, ни струя из пулемета не возьмет его! Он будет как заколдованный, потому что будет знать, где она, Родина, и что это такое! Отчего это он вдруг подумал, что сегодня неминуемо погибнет? Не погибнет, если спросит, если узнает... Но как спросить? Где сейчас увидишь капитана Кошкина? Он там, на поляне, куда будут к нему бегать связные с сообщениями о ходе боя. Как они будут бегать через все болото? Как это Кошкин на таком расстоянии будет руководить боевыми действиями взводов и отделений? Нет, кажется, всю роту действительно на убой гонят, как скот.

«Как скот... как скот...» — зазвонила в виски горячая кровь, опять отдаваясь болью, смывая, захлестывая пролившееся было в душе облегчение. «Какая, к черту, Родина для меня?» — вспыхнуло у него в голове горячим пожаром, злоба и ненависть к тому же Кошкину, к шагающему позади Гвоздеву и Кафтанову, ко всему миру враз, в одну секунду переполнили его. — И прав этот сопляк, может быть, Гвоздев этот... У немцев, наверное, лучше будет. Лучше!»

Не убавляя шага, Зубов стал заворачивать голову через плечо, чтобы взглянуть на Гвоздева, но увидел... капитана Кошкина. Тот стоял сбоку, совсем близко, на болотной кочке, опираясь обеими руками на толстую палку, смотрел на проходящее мимо отделение, глаза его в полумраке поблескивали. «Как пастух», — мелькнуло почему-то злорадно у Зубова, и он остановился. На него тотчас наткнулся Гвоздев, на Гвоздева — Кафтанов.

— В чем дело?! — сердито проговорил Кошкин. — Вперед! Не останавливаться!

— Разрешите обратиться, товарищ капитан! — как-то само собой вырвалось у Зубова, хотя в эту секунду он уже не хотел задавать свой вопрос ни Кошкину, ни кому бы то ни было.

— Ну? Что такое? Не останавливаться!

Гвоздев скривил губы, царапнул насмешливо сверху вниз Зубова глазами — все это Зубов скорее почувствовал, чем увидел, и зашлепал сапогами. И Макар Кафтанов, скользнув в темноте взглядом по Зубову, тоже пошел, и все остальные за ним. Зубов же, поправляя автомат на плече, стоял напротив Кошкина, удивленный, что командир роты находится здесь, а не на поляне, за болотом.

— Я слушаю, Зубов, что у тебя?

— Да так... Пустяки. И вам смешно, наверное, будет,— угрюмо проговорил Зубов.

— Тогда я и посмеюсь.

— Вы сами были в штрафной роте. За что, я не спрашиваю.

— Вот как! — Голос Кошкина на этот раз прозвучал более жестко, он, кажется, нагнулся к Зубову, глаза его оказались совсем близко и больно резанули по лицу. И Зубов вспомнил — точно так же эти зрачки впились в него там, под Валуйками, когда он, повергнутый наземь, признался, что стрелял в него. — А что же ты хочешь спросить?

— Я вот все шел по этому болоту и думал про те слова ваши о Родине... По-всякому о них думал. И любопытно стало мне: сами-то вы где... и в чем нашли Родину? Что это такое?

Зубов все это произнес медленно, отвернувшись от Кошкина, глядя, как во мраке течет и течет нескончаемая цепочка штрафников, слушая, как чавкает болотная жижа под их сапогами.

По-прежнему над головой висело низкое, черное небо, лишь с одного края, где-то далеко оно временами озарялось слабым и бессильным заревом — может, то немцы или наши пускали ракеты, а может, просто поблескивали летние зарницы.

Кошкин стоял, не шевелясь, все так же опираясь обеими руками о палку. Он все так же пристально глядел на Зубова. И хотя тот стоял отвернувшись, но чувствовал этот взгляд.

— Ну-ка подними голову! — жестко скомандовал Кошкин.

И Зубов вдруг почувствовал, что поднять голову и поглядеть в блестевшие во мраке глаза Кошкина ему нелегко. Какая-то сила мешала этому, шея вдруг одеревенела.

Он собрал все силы и, чувствуя, как трещат шейные позвонки, голову все же поднял.

— Вот что, Зубов... И это болото — Родина. И это небо и комары. И та земля...— Кошкин кивнул через плечо в сторону, куда цепочкой двигались штрафники,— ...та земля, в которую зарылись сейчас фашисты. И дело не в том, где ее найти... Ты не об этом хотел спросить.

— Может, и не об этом,— согласился вдруг Зубов.

— А вот когда найти?! А?

— Правильно,— выдохнул Зубов, поражаясь чему-то.

Командир роты с полминуты молчал, кромсая Зубова блестевшими глазами. И Зубов, не смея без команды повернуться и уйти, стоял покорно, не решаясь даже отвести взгляд, опустить голову, стоял и ждал еще каких-то слов этого человека, наделенного неограниченной властью, имевшего право, даже обязанного там, в Валуйках, пристрелить его, но не сделавшего этого.

— Так вот, мне кажется, что скоро ты найдешь ее в конце-то концов,— проговорил Кошкин.— Во всяком случае, я желаю тебе этого, Зубов... Встать в шеренгу!

Продолжение следует.

водитель, автомобиль, дорога

ОТ НУЛЕВОГО КИЛОМЕТРА

Б. СМИРНОВ, Ю. ШКУРЕНКО,
специальные корреспонденты «Огонька»

Путешествие началось со случайной встречи. Знакомый автомобилист, вернувшись из отпуска, рассказывал, что из Москвы на юг он ехал по новому пути через Калугу и Брянск. В одном месте, правда, пришлось штурмовать недостроенный участок, но зато какая природа по всей трассе, какая скорость! И тут вспомнилось, что разговоры об этой дороге приходилось слышать уже не раз. Будто бы она разгрузит перегруженное Симферопольское шоссе, откроет выход к югу Нечерноземья, сократит путь до Киева... Но разговоры шли, а транспорт катился прежними маршрутами. И вот вроде бы первая ласточка. А не попробовать ли нам? Посмотрим, что да как, хороша ли дорога и долго ли ждать ее открытия...

В Главдорстрое нам сказали: «Да, трасса строится, бо́льшая ее часть уже эксплуатируется, а ехать вам надо от Орла или Киева — там готовый отрезок побольше». И мы отправились в путь...

Автомагистраль Орел — Киев. Ждем, когда впереди появится перекресток с указателем: «На Брянск». Вот и синяя стрелка. Вокруг неровное, холмистое поле. Белая бетонная полоса плавной дугой уходит направо. Поворот — и наша машина съезжает на нулевой километр новой дороги.

Новая дорога! Только тот, кто сам бывал в пути, понимает, как много значат эти слова. Главная шоферская задача — попасть из пункта А в пункт Б — теперь решается быстрее и проще. Но в условиях этой задачи появляется дополнительное «неизвестное»— качество. Если шоссе хорошее, то скорость на нем будет высокой, путь — безопасным. Плохая дорога изматывает шофера, съедает время, бензин и резину.

Записи в блокноте: цементобетон, ширина покрытия девять метров, гладкое, кюветы пологие, безопасные. А обочины грунтовые — это плохо! Их положено засыпать щебнем или гравием, иначе расплывутся. На большой скорости съехать в скользкую глину даже одним колесом очень опасно, да и края дороги от сырости быстро разрушаются. Вот, пожалуйста: цементобетон местами словно обгрызли. Ямы эти, правда, аккуратно заделаны ремонтниками, но подвеска проезжающей машины все равно погромыхивает. Жаль, что дорога так быстро стареет!

Шоссе, словно меч, разрубает бескрайние поля, холмы, перелески. Изредка мелькают указатели с названием деревень, но большинство населенных пунктов, судя по карте, осталось в стороне. Уже можно сделать вывод — трасса проложена удачно. Вот указатель «На Севск». Этот древний русский город всегда лежал в стороне от проезжих путей — 43 километра до ближайшей железнодорожной станции! — и вывозить из района богатые урожаи картофеля, зерна было весьма трудно. Теперь в город ходят автобусы. Говорят, резиновые сапоги стали здесь залеживаться на прилавках... А в областном центре нам сообщили, что за последние годы, с вводом трассы, резко улучшились условия и для сельскохозяйственных работ. Окрепло снабжение, совхозы и колхозы больше строятся, дольше служит техника. Да разве подсчитать все доходы, которые уже дала дорога!

Впрочем, доходы получают «соседи» трассы, а сама она требует и требует денег. Взять хотя бы автобус: пассажирский транспорт стал здесь необходимостью, а площадки для автобусных остановок проектом не были предусмотрены: пришлось их достраивать вместе с пассажирскими павильончиками. Это немалые деньги! Не сделаны в свое время съезды с бетона на сельские проселки, а это за дорога, с которой нельзя свернуть! Деревенские шоферы стали «выскакивать» на трассу, где и как придется. Одно дело — нарушение правил; другое — грязь с колес жирным слоем окружила эти «дикие» съезды. Вот строки из протокола ГАИ: «Автомобиль ЗИЛ-130 на скорости около 75 километров в час попал на полосу грязи, задние колеса занесло на обочину, вследствие чего автомобиль перевернулся и загорелся. Водителя и пассажира подоспевшим спасти не удалось...» Случай этот не единственный. Сейчас бетонированные съезды сооружаются во многих местах. В дорожно-эксплуатационном участке № 7 мы узнали, что на строительство автобусных остановок и съездов затрачена уйма денег, а конца-края работам еще не видно. Надо ли говорить, насколько проще и дешевле было бы строить эти «мелочи» одновременно с трассой!

Есть на дороге и другие ухабы — например, снежные. В метель бетон часто остается под сугробами, и тогда длинные очереди машин ждут бульдозера. Как-то Севск на целую неделю попал в снежный плен... Таких участков не так уж много, и снег на них могли бы остановить узкие полоски лесопосадок, но для посадок надо отвести землю, а занимать ее без специального разрешения запрещено. Переписка дошла до Москвы...

...Путевая встреча. Два тяжелых грузовика с прицепами приткнулись к обочине, водители курят, прислонясь к теплому боку машины. Оба из Ставрополя, Борис Нога и Георгий Полтавский. Едут из Путивля в Брянск. Нравится ли им дорога? Еще как! Раньше надо было добираться по Симферопольскому шоссе, это полторы сотни километров объезда. Здесь свободно, ровно, красота! Вот только бензоколонки далеко, надо в сторону от трассы сворачивать. Площадок отдыха нет — здесь, на обочине, стоять не дело. И еще... не то что пообедать — чаю иногда попить негде.

— Мы не жалуемся, — объяснял Борис Нога.— Но уж если строить, так надо все заранее предусмотреть.

Самого главного не сказал нам шофер: это сейчас хорошо здесь ехать, а что будет позже, когда трасса целиком вступит в строй? На первых километрах мы записали: «Ширина покрытия девять метров» — а уже на 82-м километре, за поселком Погребы, проезжая часть резко, без видимых причин сузилась, словно кто-то взял да и отрезал с ее боков две бетонные полоски. От края до края осталось всего семь с половиной метров. А ширина грузовиков — около трех метров. Много ли места будет для маневров, когда два встречных потока транспорта захлестнут дорогу? Только-только бортами не зацепиться...

В брянском ГАИ нам показали документ, который многое объяснил. Это было письмо от строящей дорогу организации — Киевдорстроя. Смысл бумаги такой: сейчас, мол, мы строим не очень хорошую дорогу, а уж потом, когда-нибудь, доделаем ее как следует. При этом ссылаются на указание Госстроя СССР от 12 марта 1973 года № ГК 7/6—57 о стадийности строительства, особенно второстепенных элементов дороги (укрепление обочин, скоростные полосы и площадки для автобусных остановок, дополнительные полосы на крутых подъемах и др.), строительство которых в первый период не вызывается ближайшей перспективой роста движения.

— Скоро «ближайшая перспектива» станет реальным потоком транспорта, — говорит начальник ГАИ Брянской области В. И. Разумный. — Дорога проектировалась как магистраль второй категории, пропускная способность ее — от трех до шести тысяч автомашин в сутки. По нашим же подсчетам, в пределах области грузонапряженность будет гораздо выше. При ширине покрытия в семь с половиной метров машины пойдут в один ряд. На мой взгляд, скорость останется такой же, как на грунтовой дороге, возрастет аварийность. Полтора метра уширительных полос, которые «отрезаны» от первоначального проекта, свели на нет все преимущества трассы. Чего-то не учли, наверное, специалисты, которые определяли перспективы...

Дорога проектировалась по нормам и техническим условиям 1955 года. В 1972—1973 годах были утверждены новые строительные нормы и правила, «второстепенные» элементы стали обязательными. Но ведь проекты, сметы, прочая документация составлялись по старым нормам! Таким образом эта дорога, еще не вступив в строй, уже устарела.

Насколько возможно, ее надо «подновлять», но похоже, что в самом ближайшем будущем встанет вопрос о капитальном переустройстве трассы, и прежде всего — о ее расширении. Экономия средств «на первом этапе строительства» явно себя не оправдала...

Дорога, дорога! Мелькают у мостов таблички с названием рек и речушек — Навля, Ревна, Снежедь, Рессета. Почти вплотную к обочинам подступают мачтовые сосны. Самые глухие, самые заповедные уголки брянских и калужских лесов! Наверное, по красоте эта трасса не знает себе равных. Жаль только, что проект не сберег эту красоту. Приглядевшись, можно заметить, что во многих местах вдоль насыпи образовались болота — лес у дороги начинает гибнуть. Проект не предусмотрел дренажных труб в основании шоссе, и незаметный глазу естественный сток воды прекратился. Что будет здесь через несколько лет? Сухие пни да кустарник.

На обочине сразу несколько знаков: «Бензоколонка», «Гостиница», «Станция технического обслуживания». Какой водитель не порадуется сервису! Но радоваться еще рано: гостиница — на 13 коек, столовая — на 20 мест. А

бензозаправка спланирована так, что машинам придется выстраиваться в очередь прямо на шоссе...

Здесь, у Белых Берегов, дорожный знак оповестил нас: впереди тупик! И правда, километров через сто бетонная лента оборвалась. Как назло, недавно прошли сильные дожди. Дальше — развороченные самосвалами объезды, дальше участки земляной насыпи перемежаются с такой дорогой, которую лучше всего штурмовать на тракторе. Потом опять идет готовая часть трассы до Калуги и дальше, к Москве. Строителям осталось возвести всего несколько километров. В октябре должны сдавать...

— Почему же так медленно?

— Стройка-то наша второстепенная! — отвечает начальник строительного управления № 848 треста Киевдорстрой К. И. Грищенко. — Официально такой категории стройки нет, а по сути... Вот пример: сначала мы финансировались по первой группе, потом нас перевели во вторую — это значит, на миллион рублей в год нам отпускается меньше. А главное, плохо со стройматериалами, с механизмами, автотранспортом — у нас в лесах и болотах более всего необходимы самосвалы, а их не хватает. Просить бесполезно. Приходится обходиться тем, что есть. Вообще-то мы должны в год укладывать до сорока километров трассы. Такой же мощностью обладает организация, которая движется нам навстречу от Калуги,— Центрдорстрой. Но когда нам планируется заниженный объем работ, мы не можем использовать своих мощностей.

Немного истории. Первый участок этой трассы от Москвы до Наро-Фоминска начал строиться в 1936 году. Во время войны многие документы затерялись, и дорогу пришлось проектировать почти заново. Вновь ее стали строить во встречных направлениях — от Малоярославца и от шоссе Орел — Киев. Предстояло возвести 342 километра автомагистрали, десятки инженерных сооружений. В 1958 году был установлен срок ввода дороги в эксплуатацию — 1965 год. Но время шло, строительство затягивалось, и менялись сроки окончания работ — 1969-й, 1975-й. Сейчас называется «самая последняя» дата — четвертый квартал 1976 года. В чем же дело? Объективных причин много — трудности с транспортом, со снабжением стройматериалами, которых не хватает для всех многочисленных автодорожных строек нашей страны. Конечно, есть куда более важные стройки, куда более нужные дороги. Но когда намечались графики, все это учитывалось, должно было учитываться. Так правомерно ли такое положение, при котором срываются все графики — сколько их было! Трасса прокладывается, как говорится, в год по чайной ложке.

Известно, что вновь построенные дороги должны давать доход: участок Москва — Севск, как подсчитали экономисты, должен ежегодно давать десятки тысяч рублей дохода. Можно вывести сумму, которую государство так и не получило за десять лет отсрочек. А кто подсчитает, во что обходится бездорожье, и кто скажет, сколько лет еще будут сказываться на эксплуатации автотрассы ошибки и недочеты проектирования?

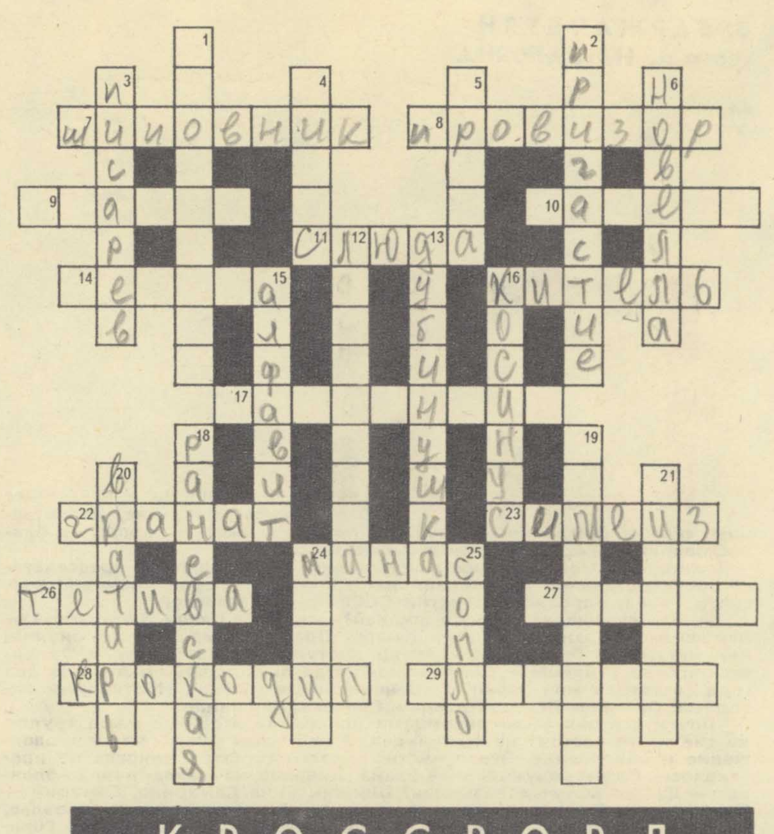
Еще в самом начале своего путешествия мы решили провести небольшой журналистский эксперимент. Отъехав километров сорок за Орел, мы остановились у перекрестка, где от дороги Москва — Симферополь уходит шоссе на Киев, и... стали считать машины. Нас интересовал только тот транспорт, которому удобнее было бы следовать не здесь, а по еще не построенному шоссе Киев — Москва.

Первая машина — грузовик с киевским номером. Сразу за ним прошли ивано-франковская и московская машины, потом снова киевская. Тульский грузовик — его, разумеется, считать не надо, он по дороге Киев — Москва все равно не поехал бы. А вот калужская машина наверняка свернула бы на новую дорогу — кто же откажется почти вдвое сократить свой путь! Номерные знаки Ярославля, Тернополя, Ровно, Москвы, Свердловска, Череповца... За два часа мы насчитали сто семнадцать машин, которые ушли бы на новую дорогу, будь она готова. Значит, по нашим самым грубым подсчетам, за световой день таких машин наберется около восьми сотен. Теперь остается учесть, что новая трасса сокращает расстояние от Москвы до Киева на сто километров. И вот конечный результат: за годы, когда дорога Москва — Киев никак не достроится, машины совершили двадцать девять миллионов километров лишнего пробега! Если перевести этот километраж в деньги — подсчитать сожженный зря бензин, износ автомобилей, израсходованное напрасно время, зарплату,— цифра получится баснословная.

Специалисты найдут, возможно, наши статистические упражнения поспешными и безграмотными, но дискутировать на эту тему, видимо, не стоит: дело ведь не в цифре. Бесспорно то, что дорога строится недопустимо долго и что государство несет из-за этого огромные потери.

Есть еще одно очень важное обстоятельство: новая дорога проходит по югу нечерноземной зоны России, связывает важнейшие сельскохозяйственные области — Курскую, Брянскую, Калужскую и Московскую. Постановлением Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР» предусмотрено построить свыше 25 тысяч километров автомобильных дорог с твердым покрытием. Шоссе Москва — Киев, не введенное в строй, автоматически оттягивает сроки строительства и других, прилегающих к шоссе дорог, предусмотренных постановлением.

Сейчас и заказчиком и подрядчиком строительства автомагистралей является Министерство транспортного строительства СССР, которое в то же время сооружает железные дороги страны, возводит и другие объекты. Многие специалисты считают, что настало время создания самостоятельного всесоюзного ведомства, которое занималось бы строительством только автотрасс. Сегодняшние темпы дорожных работ просто не нуждаются в комментариях: шоссе Москва—Рига строится с 1958 года, пятнадцать лет строится дорога Москва — Волгоград... И нет у нас до сих пор ни одной сколько-нибудь значительной по протяженности трассы высшей категории! Стране нужны разные дороги, в том числе и автомобильные — выгодные, скоростные, безопасные, нужны дороги хорошие — от первого и до последнего километра.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

7. Дикая роза. 8. Работник аптеки. 9. Столица Народной Республики Ангола. 10. Соединительный элемент деревянных конструкций. 11. Прозрачный слоистый минерал. 14. Река в СССР. 16. Форменная куртка. 17. Балет А. Крейна. 22. Драгоценный камень. 23. Курорт в Крыму. 24. Киргизский народный эпос. 26. Бечева, стягивающая концы лука. 27. Австрийский композитор. 28. Водное пресмыкающееся тропических стран. 29. Металл.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Итальянский живописец эпохи Возрождения. 2. Глагольно-именная форма. 3. Русский критик, публицист. 4. Остров в Карибском море. 5. Первая ступень гаммы. 6. Небольшая повесть, рассказ. 12. Птица семейства синиц. 13. Русская народная песня. 15. Буквы, расположенные в определенном порядке. 16. Тригонометрическая функция. 18. Действующее лицо пьесы А. П. Чехова «Вишневый сад». 19. Река в Румынии. 20. Игрок футбольной команды. 21. Спутник планеты Уран. 24. Поэма Т. Г. Шевченко. 25. Движитель ракет и реактивных самолетов.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 29

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

4. Телевидение. 9. Черемуха. 10. Тургенев. 11. Праща. 14. Швартов. 16. Нарбада. 17. Полотно. 18. Пудель. 19. Комета. 20. Ливенка. 23. Барокко. 25. Станица. 26. Виток. 28. Экспресс. 29. Волнорез. 30. «Камаринская».

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Спиноза. 2. Земнухов. 3. Гиперион. 5. Перламутровка. 6. Шапито. 7. Эталон. 8. Несчастливцев. 12. Стрелка. 13. Трамвай. 15. Голец. 21. Ижевск. 22. Кряква. 24. Оффенбах. 25. Стилобат. 27. Теснина.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Отличники боевой и политической подготовки — комсомольцы старшина 1-й статьи В. Пика и старший матрос А. Барсуков. ● «Очаков» на рейде (см. в номере репортаж «Большой противолодочный»).

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Завтрашние актеры (см. в номере материал «Дом Щепкина»).

Фото А. Награльяна

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Н. П. КАЛУГИНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-26; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 258-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 5/VII — 1976 г. А 00685. Подп. к печ. 20/VII — 1976 г. Формат 70×108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 1792. Тираж 2 050 000 экз. Заказ № 2492.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

В. ВАРЖАПЕТЯН,
фото А. НАГРАЛЬЯНА

Щепкинское училище — старейшее учебное заведение, воспитавшее многие поколения актеров. На подвиг служения народу их благословляли корифеи русской и советской сцены.

В дипломах сегодняшних выпускников стоит подпись председателя государственной экзаменационной комиссии Героя Социалистического Труда, народной артистки СССР Е. Н. Гоголевой.

— Что связывает меня со школой?— говорит Елена Николаевна.— Вся жизнь, отданная Малому театру. Правда, сама я после окончания института благородных девиц поступила в 1916 году в Филармоническое училище — Щепкинское тогда было закрыто. А через два года состоялся мой дебют в «Венецианском купце». И с какими актерами! Остужев, Ленин, Правдин, Рыжова, Пашенная.

Почти все они были питомцами школы, да и сейчас наша труппа на две трети состоит из щепкинцев. В ней наша смена, наше продолжение и обновление. Это единство школы и театра никогда не пресекалось. Сами подумайте...— Елена Николаевна взяла ручку, блокнот.— Да что ж тут доказывать? Щепкин учил Самарина, Самарин — Ермолову и Федотову, воспитанниками Федотовой стали Яковлев, Айдаров, Рыжова, у Яковлева учился Анненков, у Айдарова — Головина. Ну, а они и сами воспитали не одно поколение актеров. Вот вам и генеалогическое древо. И здесь ценны не только традиции — иначе школа превратилась бы в музей,— но их приумножение, развитие. Невозможно перечислить всех питомцев школы, которым русский и советский театр обязан своей славой. Если когда-нибудь решат увековечить их имена, для мемориальных досок не хватит стен Щепкинского училища. Обязательно напишите об этом!

* * *

Первое объявление о приеме в Щепкинское училище я увидел еще на Кузнецком мосту. Потом встречал их на Пушкинской, Пушечной, Неглинной...

Сквозь квадратную арку иду во двор. Горячая пора! Первокурсники с уважением смотрят на дипломников. Еще бы, те блестяще выдержали экзамены. Впервые в истории училища дипломные спектакли шли в течение полугода на сцене филиала Малого театра. Два спектакля: «Баллада о солдате» и «Протокол одного заседания» — получили первую премию на городском смотре творческой молодежи, посвященном XXV съезду КПСС. Большая дорога пролегла к этим серьезным, умным работам от первых робких этюдов.

— И за это мы благодарим педагогов, особенно нашего руководителя, народного артиста РСФСР, профессора Коршунова,— говорит Сергей Тарасов.

Сергей пришел в училище после вечерней школы, которую окончил, работая на заводе. Слесарь, рабочий, он стал одним из лучших студентов, стипендиатом имени М. Ермоловой.

Для поощрения щепкинцев есть еще стипендии имени П. Садовского и А. Ленского. Как раз с разговора о Ленском началась наша беседа с руководителем третьего курса доцентом В. Б. Монаховым.

— С именем Ленского связана борьба за интеллигентного, мыслящего актера. Его педагогические принципы важны и сегодня, они выражают дух нашей школы.

Школа всегда щедро делилась опытом, оказывала огромную помощь в создании национальных театров. Театр имени П. А. Ойунского и нюрбинский «Театр на оленьих упряжках» — в Якутии, Татарский драматический театр имени Г. Камала, казахский театр в Аркалыке — ядро их составляют щепкинцы. Сейчас в училище работают четыре национальные студии.

Каждый воспитанник дорог учителю, остается в памяти.

— Недавно была на спектакле Гамбургского театра,— рассказывает Л. В. Цукасова.— Стою в фойе, вдруг подбегает Инна Чурикова, обнимает меня, целует... Такие мгновения — самая большая радость.

— А иногда просто услышишь о своем ученике и радуешься,— продолжает П. З. Богатыренко.— Кажется, совсем недавно учила сценической речи Огульджан Ниязбердыеву, а на Всесоюзном кинофестивале во Фрунзе она получила первую премию за лучшую женскую роль. Вижу на экране телевизора Игоря Кириллова, а ведь он мой ученик.

Олимпиада Михайловна Головина достает из сумочки фотографию. Обыкновенный групповой снимок. Только люди на снимке необыкновенные: Ермолова, Станиславский, Немирович-Данченко, Южин, Пров Садовский, Яблочкина, Пашенная, Турчанинова, Остужев, Давыдов, Гоголева... И сама Головина — тогда совсем еще юная актриса.

— Я поступила в училище в 1918 году. На экзамене Пашенная предложила мне и Аксенову подготовить сцену из "Горя от ума» в гриме и костюмах. А в приемной комиссии Южин, Садовский, Яблочкина!

— Да, нас тогда экзаменовали строго, прямо на сцене,— продолжает профессор Михаил Николаевич Гладков.— Я поступал двумя годами позже, вместе с Н. А. Анненковым, Е. П. Велиховым, В. А. Обуховой.

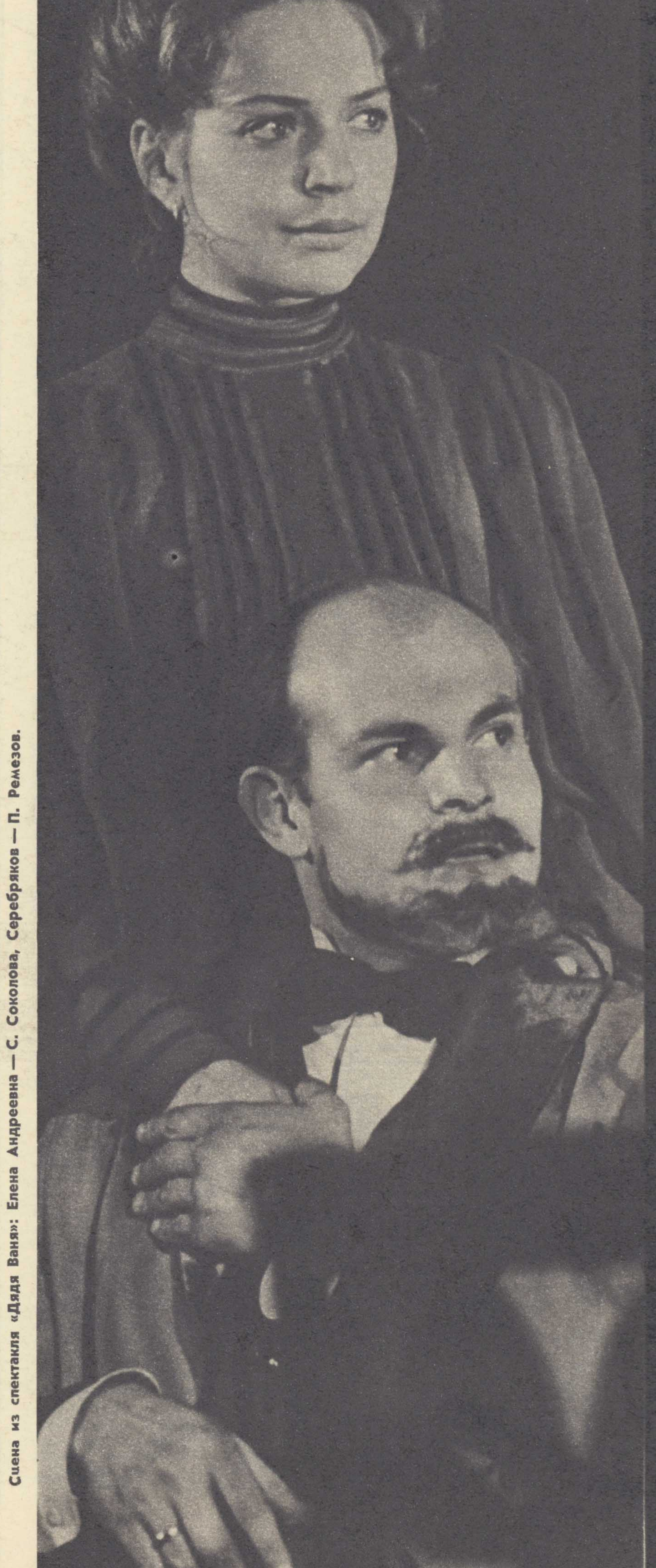
— А я пришел в училище прямо с войны, с фронта, молодым лейтенантом,— говорит ректор училища Михаил Михайлович Новохижин.— И сразу попал к таким замечательным педагогам: Вера Николаевна Пашенная, Ирина Витольдовна Полонская, Алексей Денисович Дикий. А вам, Михаил Николаевич, я показывал свой первый этюд.

* * *

«Артисты образуются только школой и преданием»,— считал А. Н. Островский. И повторял это не раз, подчеркивал в записках управлению императорских театров, доказывая необходимость возрождения щепкинской школы.

Годы прошли, прежде чем его голос был услышан, а сам он стал директором училища.

Сейчас, когда Островский, погруженный в раздумья, сидит в кресле у Малого театра, он словно благословляет тех, кому выпала честь продолжать славу советского искусства.

Сцена из спектакля «Дядя Ваня»: Елена Андреевна — С. Соколова, Серебряков — П. Ремезов.

Преподаватели: Л. В. Цукасова, доцент Б. М. Казанский, народный артист СССР профессор М. И. Царев, профессор Г. Н. Дмитриев, Г. И. Куликов.

Председатель государственной экзаменационной комиссии народная артистка СССР Е. Н. Гоголева.

Экзамен по мастерству актера.

Ректор Щепкинского училища М. М. Новохижин.

ДОМ ЩЕПКИНА

Перемена.

Сцена из спектакля А. Вампилова «Прощание в июне»: О. Кожомкулова (Маша), Ш. Рыскулов (Букин).

Урок танца.

Студенческая свадьба.

Сценическое движение.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663